

**Институт экономической политики
имени Е.Т.Гайдара**

**Изучая настоящее,
проектируем будущее**

Материалы юбилейных Гайдаровских чтений,
посвященных 25-летию Института Гайдара

Издательство
Института Гайдара
Москва, 2015

УДК 338(470+571)(063)
ББК 65.050.1(2Рос)я431

И39 Изучая настоящее, проектируем будущее: материалы юбилейных Гайдаровских чтений, посвящ. 25-летию Ин-та Гайдара - М.: Ин-т Гайдара, 2015. - 112 с. - ISBN 978-5-93255-442-5.

23 октября 2015 года в Москве прошли Гайдаровские чтения «Изучая настоящее, проектируем будущее», которые были посвящены 25-летию Института экономической политики, носящего имя своего основателя Егора Гайдара. Чтения проходили в формате пленарных сессий. Внимание участников сессии «Долгое время: реформы и будущее России» было сосредоточено на вызовах, с которыми сталкивается российская экономика сегодня, а также на поиске новой модели экономического развития России. Вторая сессия Гайдаровских чтений «Институциональные реформы: государство и эволюция» была посвящена поиску механизмов, способствующих работоспособности институциональной среды. В чтениях приняли участие самые авторитетные представители экспертного сообщества, которые изложили и обсудили свое понимание ключевых тенденций и вызовов, стоящих перед Россией.

УДК 338(470+571)(063)
ББК 65.050.1(2Рос)я431

ISBN 978-5-93255-442-5

© Институт Гайдара

Пленарная сессия «Долгое время: реформы и будущее России»

Российские экономика, государство, общество вышли из состояния транзита, но по-прежнему нуждаются в преобразованиях. Меняется глобальная повестка, и перед страной и миром стоят новые вызовы. Все это требует быстрых и мудрых ответов и решений, которые определяют будущее России.

Какие идеи Гайдара остаются актуальными сегодня? Преодолела ли Россия «эффект колеи», и по какому пути она пойдет в «долгом времени»? Действительно ли окончен российский транзит, и какие реформы еще предстоит реализовать? Способна ли современная экономическая наука оказать влияние на ход развития событий в стране и принимаемые властями решения? Как глобальные изменения повлияли на представления экономистов и социальных мыслителей о положении России в мире? Самые авторитетные представители экспертного сообщества обсудили эти и другие вопросы в ходе данной пленарной сессии.

Пленарная сессия «Институциональные реформы: государство и эволюция»

Вмешательство государства эффективно в том случае, если оно способно построить работоспособную институциональную среду, от которой, в свою очередь, зависит динамичное развитие экономики, государственных органов, структур гражданского общества, человеческого капитала. Что можно сделать для совершенствования институтов? Как превратить государство в более эффек-

тивное и компактное, ориентированное на «клиента» – рядового россиянина? Какие степень и качество вмешательства можно признать необходимыми, а какие – избыточными? Что государству следует делать, а что не следует в экономической политике? Какой – в целях достижения максимального положительного эффекта – должна быть взаимосвязь людей, принимающих решения, и социального знания? Чем современная наука, в том числе экономическая, может помочь государству? Эти вопросы стали предметом обсуждения участников пленарной сессии.

Пленарная сессия «Долгое время: реформы и будущее России»

Ведущий: Мау Владимир Александрович – ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В дискуссии приняли участие:

Аганбегян Абел Гезевич – заведующий кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС

Аузан Александр Александрович – декан экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Дубинин Сергей Константинович – член Наблюдательного совета Банка ВТБ (ПАО)

Клепач Андрей Николаевич – заместитель председателя Внешэкономбанка

Кузьминов Ярослав Иванович – ректор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Нечаев Андрей Алексеевич – член Попечительского совета Фонда Егора Гайдара, министр экономики России (1992–1993)

Улюкаев Алексей Валентинович – министр экономического развития Российской Федерации

Ясин Евгений Григорьевич – научный руководитель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Ведущий – Мау Владимир Александрович,
ректор Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации

Дорогие друзья, коллеги! Прежде всего хочу поздравить всех нас с этим замечательным юбилеем!

25 лет для человека – возраст молодой, возраст надежд, но для организации это повод подвести итоги.

Когда в сентябре 1990 года Егор Тимурович Гайдар позвал меня работать в институт, никто не знал: надолго это, навсегда или как? Оказалось, что на всю жизнь. Как сказал один из присутствующих здесь, перефразировав известное выражение: «Из института можно быть только временно откомандированным, уйти нельзя». Многие из нас именно так и относятся к нашему институту – не как к учреждению, а как к сообществу единомышленников.

Не столько важна формально работа в институте, сколько духовно-интеллектуальная приверженность ему.

Я очень рад, что институт вернул свое старое имя, которое ему дали при создании Абел Гезевич Аганбегян и Егор Тимурович Гайдар: Институт экономической политики. Жаль только, что возвращение названия произошло со смертью Егора Тимуровича Гайдара (институту присвоили имя Гайдара в соответствии с указом президента, тогда и восстановили старое название). Конечно, это наиболее правильное название.

Я хочу поприветствовать всех, кто стоял у истоков создания института, тех, кто приходил работать в институт позже, кто работает в нем сейчас, кто ассоциировался с институтом.

Я хочу попросить выступить первым Абе́ла Гезевича Аганбегяна, человека, который был инициатором созда-

ния института. На какой-то встрече Абел Гезевич и Михаил Сергеевич Горбачев обсуждали необходимость создания института, который изначально должен был называться Институтом хозяйственного механизма. Но, позвав в директоры Гайдара, решили, что это должен быть Институт экономической политики. Это подвело итог предыдущих 25 лет дискуссий о совершенствовании хозяйственного механизма и обозначило следующие 25 лет дискуссий об экономической политике.

Тема нашей дискуссии: «25 лет в прошлом, 25 лет в будущем» – естественно, не столько об институте, о нем мы все думаем, сколько о нашей стране, об экономической политике и об экспертной деятельности. Абел Гезевич, прошу.

Аганбегян Абел Гезевич,
заведующий кафедрой экономической теории
и политики РАНХиГС

*«Нам надо перейти к новой
экономической политике, к политике
форсированных инвестиций»*

Моя роль в создании института минимальна. Я, конечно, не пытался создать институт, который бы разработал основы реформы в России, а потом сотрудники которого во многом возглавили бы их проведение. У меня были чисто утилитарные пожелания.

В июне 1989 года г-да Михаил Сергеевич Горбачев и Николай Иванович Рыжков пытались ввести меня в правительство, но я отказывался, говорил, что я научный работник, готов работать в любом месте – по образованию, по науке, – но не в правительстве, не подхожу к этой деятельности по своим личным качествам. Раз

так, мне нашли сферу образования и науки. Направили в академию. Я был назначен ректором, можно сказать, в отместку. Никто не хотел стоять во главе академии, там была ужаснейшая парторганизация, которая «съела» двух ректоров, не выбрав их в партком, написав на них жалобы. И желающих попасть опять в эту клоаку, конечно, не было. Я, естественно, не приступал к работе, думал, что это все развеется, рассосется. Но на меня прикрикнули – это был все-таки 1989 год, ЦК КПСС еще функционировал, – и в сентябре я вышел на работу. Мне было 60 лет, а перед академией стояли серьезные задачи. 67 лет в среднем было профессорам, один из них кое-как говорил по-английски. Их нельзя было научить ничему новому, а было ясно, что необходимо что-то серьезное в экономике делать. И я не мог в академию пригласить своих друзей, потому что у 60-летних и друзья 60-летние. Мне надо было найти каких-то людей, которые бы привели за собой относительно молодых сотрудников.

Сначала я нашел одного Леонида Евенко, поставил его во главе Высшей школы международного бизнеса. Евенко работал в Институте США и Канады, говорил на нескольких языках, привел с собой команду 40-летних. Но мне нужны были более молодые.

Среди относительно молодых в Москве лидером был Егор Тимурович, а в Санкт-Петербурге, как всем известно, – Анатолий Чубайс. У Егора Тимуровича был семинар, о котором я слышал, хотя никогда в нем не участвовал. Я следил за его статьями в «Коммунисте». Меня поражало, что он писал не только теоретические какие-то тексты, а анализировал конкретную ситуацию в экономике страны. То есть он оказался человеком такой конкретной экономики, не политэкономом в плохом понимании слова, засилье которых тогда было. И я был

уверен, что он приведет с собой несколько десятков людей, которых со временем можно послать в США на обучение в бизнес-школах.

Я позвонил Егору Тимуровичу, он тогда работал в «Правде». Авторитет «Правды» в это время рушился, это была уже не та газета, что раньше. Гайдар дал согласие, придумал название, это не мое название. Я бы никогда в жизни так не назвал институт, поскольку мне казалось это очень претенциозным. Политика – это дело, от которого я лично стараюсь держаться подальше. Идея института, его направленность всецело принадлежат Егору Тимуровичу. Иногда он, конечно, со мной беседовал на эту тему, но никакого вмешательства, даже мелкого, никакой попытки куда-то институт повернуть, что-то навязать, даже кого-то рекомендовать с моей стороны никогда не было.

Вскоре я понял, что институт занимается очень серьезным делом. Все это было заслугой Егора Тимуровича, и я очень горжусь, что в академии возникла такая структура. На мой взгляд, институт, 25-летие которого мы отмечаем, – лучший экономический исследовательский коллектив нашей страны. К сожалению, подобных структур у нас почти нет.

Мне очень нравится Институт Гайдара, потому что он занимается конкретным делом, а не только чисто теоретическими исследованиями, которые почему-то выдают за фундаментальные. Фундаментальное исследование – необязательно чисто теоретическое, оно и в физике, и везде основывается на экспериментах. А в экономике какой эксперимент? Это основа, анализ реальной динамики, попытка сделать выводы на базе анализа действительности, а не каких-то придуманных схем, догм, идей и так далее.

Более половины из 25 лет, которые прошли с момента рождения института, для экономики были кризисными годами. Я посчитал: 13 лет кризиса и стагнации: с 1990 по 1999 год, 1998 год и последние три года. И (почти 13 лет экономического роста: 10-летний подъем, если считать первые 3 квартала 2008 года бескризисными, и 3 года после кризиса – 2010–2012 годы.

Сейчас объем валового внутреннего продукта находится примерно на уровне 1989 года. Промышленность и сельское хозяйство ниже того уровня, а торговля, финансы и операции с недвижимостью перекрывают соответствующий уровень того года. Хуже всего обстоит дело с инвестициями, они раза в полтора ниже, чем были в советское время в России. Если пересчитать по эквивалентному курсу, то в СССР инвестиции в основной капитал составляли 40% ВВП, тогда как в текущем году будут на уровне 18% ВВП.

Инвестиции сократились, а объем потребления в составе валового продукта вырос за счет сокращения расходов на оборону и сокращения накоплений.

Уменьшилась, к сожалению, доля экономики знаний, науки, образования, информационных и биотехнологий, здравоохранения; доля расходов на эти статьи в советское время доходила до 20–25% ВВП, потом снизилась до 10%, в период подъема экономики повысилась до 15%. Экономика знаний – главный локомотив развития мировой экономики, она растет вдвое быстрее валового внутреннего продукта, и основная движущая сила в ней – человеческий капитал. У нас доля экономики знаний составляет 15%, а в Западной Европе – 35% валового продукта, а в США – 40%. Мы, к сожалению, ужасно отстали.

К 2014 году продолжительность жизни в России превысила продолжительность жизни в 1964–1965 годах.

Сейчас она составляет 70,8 года. Смертность сейчас не много ниже, чем была в России в середине 1960-х годов. Особенно заметно снизилась детская смертность – почти вдвое, однако выросла смертность в трудоспособном возрасте. Тогда умирало 400 тысяч в трудоспособном возрасте, сейчас – примерно 480–490 тысяч, хотя по сравнению с 2005 годом смертность в трудоспособном возрасте снизилась с 720 до 480 тысяч.

К сожалению, по таким глобальным показателям мы не очень далеко ушли от советских времен. Но жизнь изменилась коренным образом – с моей точки зрения, в лучшую сторону: появилось больше возможностей для роста, выбора и проявления способностей. У нас потенциал роста сейчас, по моему мнению, намного выше, чем был в советское время в условиях тогдашних ограничений. А главное – мы стали частью мировой экономики, органической частью, несмотря на санкции и на все остальное.

Что нас ждет в ближайшие 25 лет? Увы, сейчас нельзя делать прогнозы на основе существующих тенденций. Я считаю, что у нас большой потенциал, и нам надо перейти к новой экономической политике, к политике форсированных инвестиций. Экономике в России продвигают только инвестиции, поскольку фонды у нас устаревшие, и пытаться увеличивать экономику без инвестиций можно только временно.

За последние 8 лет отток капитала в России составил 650 миллиардов долларов. Из страны ушло больше, чем пришло. Цены на нефть почти не растут по сравнению с 2008 годом, а сейчас даже снизились и вряд ли скоро приблизятся к ценам 2008 года – 95 долларов за баррель. Цены на нефть наполовину определяли наш экономический рост в период подъема 1999–2008 годов. Не стоит надеяться на повторение подобной ситуации.

Наши фонды прогрессивно стареют, у нас самый низкий, наверное, в мире коэффициент выбытия фондов – 0,7%. Каждый год фонды становятся просто на год старше, они требуют ремонта, требуют денег, они простаивают. Необходимо технологически обновить их, следует вложить деньги в развитие высокотехнологичных отраслей, удвоить объем жилищного строительства, создать современную инфраструктуру, перейти к массовому строительству автомобильных дорог и скоростных железных дорог. Нужно удвоить, утроить темпы экономики знаний и превратить экономику знаний и высокотехнологичные отрасли в локомотивы развития.

Вы спросите: где источники инвестиций? С моей точки зрения, нам очень повезло, у нас есть внутренние рублевые источники. Главный мешок денег – это активы наших банков. Я не вижу, чтобы кто-то праздновал такое выдающееся событие, как то, что в 2014 году сумма активов наших банков впервые превысила валовой внутренний продукт страны.

На 1 января 2015 года они достигли 77 триллионов рублей, потом немного снизились, на конец 2015 года их оценивают в 72 триллиона рублей, но это все равно больше ВВП России. А инвестиций среди них, инвестиционного кредита – 1,1 триллиона рублей, т.е. 1,5%. Остальное – короткие деньги. В России доля инвестиционного кредита в инвестициях составляет 9%, такого нигде нет, я, во всяком случае, не знаю ни одной страны. В развитых странах эта доля достигает 30–50%. В развивающихся экономиках самая низкая доля у Китая – 20%. Можно, конечно, долю инвестиций в активах банков довести процентов до 5, и это обеспечит 10%-й рост инвестиций на несколько лет вперед. А если мы лет 5 будем каждый год увеличивать на 10% инвестиции, то это даст сильнейший толчок экономике, поскольку ин-

вестиции дважды влияют на темп развития: в отраслях, в которые идут инвестиции, начинается развитие, в них появляются результаты, вводятся новые мощности – это повторный импульс экономике.

Чтобы ускорить инвестиции, следует очень резко сократить инфляцию и снизить ключевую ставку. Надежд на Центральный банк в этом, по-моему, уже никто, кроме самих работников ЦБ, не возлагает. Они не способны снизить инфляцию по определению, потому что она не от них зависит в такой смешанной экономике с преобладанием госмонополий, олигархических структур, с фискальной направленностью нашей экономики.

Необходима президентская программа, ее можно разработать совместными усилиями – и правительства, и Центрального банка. Надо ввести меры стимулирования экономического роста, если мы хотим концентрировать инвестиции на нужных направлениях. И, конечно, следует провести институциональные реформы, о которых все говорят и пишут. На этом я хочу закончить. Спасибо.

Ведущий: Спасибо большое, Абел Гезевич, за этот обзор. Сейчас хочу предоставить слово Алексею Валентиновичу Улюкаеву, который в свое время был сотрудником института, стоял у его истоков, а ныне возглавляет экономический блок правительства.

Улюкаев Алексей Валентинович,
министр экономического развития
Российской Федерации

*«Самое важное – это институты
и их восприимчивость к изменениям
в экономической политике»*

Абел Гезевич все правильно рассказал – как и 25 лет назад. Как будто прочитал лекцию – и всем всё понятно. И такого рода лекции мы эти 25 лет друг другу читаем. С рациональной точки зрения проблемы инвентаризированы, ответы на вызовы в общем-то понятны. Но они остаются в области академических упражнений, советов, рекомендаций и плохо имплементируются в жизнь. Почему так? Может быть, потому, что мы все-таки отстаем от динамики этих вызовов и каждый раз отвечаем немного не на те вызовы, которые являются актуальными.

Мне кажется, в этом смысле мы как раз отходим от того, что Егор Тимурович постулировал не словами, а практикой. Это как было сказано про Ломоносова: он основал наш университет – он сам был нашим университетом. Университет или институт – это не девелоперский проект, это не здание, не штатное расписание, не зарплата, хотя все это важные вещи. Это школа, способ постулировать, способ мыслить, способ находить действительно актуальные вызовы.

В этом смысле, мне кажется, Егор – антипод сектантства. Встречается такое в науке: если теория противоречит фактам, то тем хуже для фактов. На самом деле все наоборот: если теория противоречит фактам, значит, надо теорию пересмотреть, надо развиваться. Развитие экономики и развитие научной мысли, научной школы –

вещи параллельные. Я с удовольствием ознакомился с докладом «Экономика роста» Столыпинского клуба. Его многие сильно критикуют, а я вижу очень важные свидетельства того, что одна из школ (я не разделяю позицию этой школы – дирижизма в экономике) развивается. Друзья мои, они не стоят на месте, они развиваются. А мы, может быть, меньше развиваемся и больше стоим на месте. Это такой печальный момент.

Теперь об экономической ситуации. Я полностью согласен с тем, что экономический рост, возможный на сколько-нибудь длительную перспективу, который является не просто восстановительным ростом, а ответом на рецессионную паузу двух лет, конечно, может быть только инвестиционным.

Что такое инвестиции? Инвестиции – это ожидание будущего возврата на капитал. Инвестор сравнивает два показателя: будущий возвратный капитал, свой будущий денежный поток, и риски, которые возникают. Если риски больше – инвестор не инвестирует. И ведь проблема-то у нас в инвестиционной сфере возникла не в связи с неправильным поведением Банка России, с высокой ключевой ставкой. Инвестиционный спад начался, когда была очень даже невысокая ключевая ставка, – он начался в 2012 году. Еще два года оставалось до драматического повышения ключевой ставки, а уже начался инвестиционный спад. Поэтому денежное предложение – важная вещь, ликвидность – важная вещь, но все-таки это вещи второго порядка.

Самое важное – это институты и восприимчивость этих институтов к изменениям в экономической политике. Институты должны быть чувствительными. Ресурс для развития существует. Посмотрите динамику остатков средств компаний на счетах в банках – она феноменальная, очень высокие остатки. По депозитам юриди-

ческих лиц сильно повышательная динамика. По каждому из этих показателей номинальный рост выше инфляции, т.е. существует реальный рост остатков компаний, остатков депозитов бизнеса, депозитов домашних хозяйств. При этом спад инвестиций – 6% по трем кварталам этого года. Значит, дело не в ресурсе, хотя и в ресурсе тоже. Но в данном случае не совсем в ресурсе, а в тех сигналах, которые получает бизнес, которые помогают ему принять решение об инвестициях или мешают ему принять решение об инвестициях.

А что такое инвестиции на самом деле? Если мы посмотрим банковскую статистику, то увидим, что под инвестициями понимается, например, кредитование сделок по слияниям и поглощениям. Они в статистике у вас пойдут как инвестиции, работа с активами. Но это не стройка, это не создание нового предприятия, новой мощности, нового производства. Это важная вещь, но это другое. Это изменение производственной структуры, это механизм, который позволяет двигаться капиталу. На самом деле основной источник инвестиций – самофинансирование, средства бизнеса. Средства у бизнеса есть, но он почему-то не хочет этими средствами делиться. Министр финансов говорит: у некоторой части бизнеса появились излишки, и мы знаем, как забрать эти излишки и как направить эти излишки на какое-нибудь полезное дело. Но это верный способ сделать так, чтобы ни у каких отрядов бизнеса вообще не осталось иллюзий об инвестировании, и чтобы они усвоили, что самое правильное, что можно сделать со свободными денежными средствами, – изъять их и разместить в комфортной юрисдикции. Такого рода упражнения разрушают самое главное, что позволяют создать инвестиции, – доверие, confidence. Вы должны доверять и понимать, каким будет ваш денежный поток в течение 10 лет, и ни-

кто с фонарем не придет и не скажет: да у него тут денежный поток, а у меня потребности серьезные, я от этого денежного потока должен небольшой ручеек отвести. Это принципиальнейшее положение.

Инвестору надо помочь сделать выбор – показать ему, что его риск не чрезмерный, что, по крайней мере, государство тоже готово взять на себя риск. Иностраный инвестор смотрит на поведение внутреннего, домашнего инвестора. Если внутри никто не инвестирует, то странно будет, если иностранный инвестор придет и будет инвестировать. А домашний частный инвестор, в свою очередь, смотрит на инвестиционное поведение государства. Я, частный инвестор, скорее всего, знаю немного меньше о динамике будущей экономики, чем государство с его институтами. Такая иллюзия, наверное, существует у инвестора, хотя, может быть, это не совсем так. И если государство чрезмерно осторожничает и не готово принимать на себя инвестиционные риски, то почему же частный инвестор будет принимать на себя инвестиционные риски? Он включает кнопку «stand by» и ждет.

Сейчас появляются свидетельства того, что затянувшаяся инвестиционная пауза заканчивается. Очень интересно сравнить динамику выплаты дивидендов компании и динамику инвестиций. В течение всего экономического подъема частный бизнес практически не распределял в дивидендах сколько-нибудь значимую часть чистой прибыли. Он инвестировал в развитие. Тут прямая и обратная связь: чистая прибыль не распределялась, а шла на развитие, шла в инвестиции, а не распределялась потому, что ожидалось развитие, ожидался будущий финансовый поток.

В экономике действует закон предпочтения благ нынешних благам будущим, и нужно какое-то серьезное

усилие для того, чтобы блага будущие воспринимались как более ценные. Для этого и существуют соответствующие механизмы. Так вот, примерно с 2011 года начался очень быстрый рост дивидендов. Есть компании, которые на дивиденды 100% чистой прибыли направляли. Что это означает? Это просто монетизация бизнеса. Это значит, что я не верю в перспективу своего бизнеса, я изымаю из него ликвидность, монетизирую и отправляю куда-нибудь – на личное потребление или куда-то еще. Это была чрезвычайно опасная тенденция. Сейчас мы видим – правда, по 2015 году пока еще нет годовой статистики, но есть отчеты по отдельным компаниям, – что вроде немного «горб» выплаты дивидендов заканчивается, и компании снова начинают формировать резервы и инвестируют.

Прежде всего, происходит досоздание материальных резервов, которые у нас тоже падали начиная с 2011 года. Досоздание материальных резервов – это ответ на две вещи. Первое – это ожидания по спросу, прежде всего, по потребительскому спросу. Мы полагаем, что в следующем году будет небольшой, но все-таки рост розничного товарооборота, рост потребительского спроса. Соответственно, динамика материальных запасов является ответом на эти ожидания. Этот ответ может быть правильным или неправильным, тем не менее это всегда так. И второе, на что ориентируется восстановление внутренних запасов, – это процентная ставка, потому что она устанавливается при помощи кредитования под оборотные средства. Это ожидания по процентной ставке, которые складываются из прогноза по инфляции и из веры в то, что денежные власти будут делать то, что они говорят, т.е. динамика ключевой ставки будет соответствовать ожиданиям по инфляции. Если это есть, начинают складываться материальные

запасы. Следующее возможное движение – это, как я уже сказал, сокращение распределения чистой прибыли через дивиденды, возникновение предпосылок к началу инвестиций.

Что такое реальная инвестиция? Это во многом «гринфилд», это создание нового производства, которое не может быть обеспечением, не может быть залогом. Значит, предприниматель должен получить банковский кредит. Мало того что это должны быть длинные деньги, это еще и необеспеченные деньги. Это принципиальный вопрос. Необходимо помочь с разделением рисков – именно с правильным разделением рисков. Никто не должен избавлять предпринимателя от риска: если бюджет возьмет на себя полностью этот риск, мы получим множество неэффективных проектов. Но если правильно распределить риски между всеми участниками процесса – между инициатором проекта, заемщиком, между банком, который кредитует, между Центральным банком, правительством и так далее, – то можно добиться того, что правильный профиль риска, правильное соотношение дохода и риска позволят начать инвестиционный процесс. А дальше инвестиционный процесс во многом станет самоподдерживаемым.

Я не стану говорить про инвестиции в инфраструктуру – это естественная основа для развития бизнеса, потому что является товаропроводящей сетью. Вы можете сколько угодно инвестировать в свое производство, но если у вас скорость движения поездов по железной дороге ниже, чем в 1930 году, ясно, что ваши издержки транспортировки – транзакционные издержки – будут, скорее всего, запретительными для вашего бизнеса. Поэтому инвестиции в инфраструктуру очень важны. Таким образом, не только в железо – не только в рельсы, паровозы, причальные стенки, взлетно-посадочные по-

лосы – следует инвестировать, необходимы инвестиции в качественные институты и в человеческий капитал. Это, конечно, запаздывающие инвестиции, т.е. инвестиции с особо длительным сроком. Поэтому здесь роль бюджета особенно большая. Государство должно особенно много брать на себя рисков, участвовать в распределении этих рисков, в том числе путем разных форм софинансирования. Здесь необходимо сделать отсыл к бюджетной политике. Я хочу повторить тезис, который для меня важен: сбалансированность бюджета, его дефицитность или бездефицитность – это разные вещи. Я считаю, что можно иметь несбалансированный бюджет при нулевом дефиците или даже при профиците и, наоборот, сбалансированный бюджет при умеренном дефиците с понятными источниками его покрытия. Это чрезвычайно важно. Мне кажется, что наш нынешний бюджет несбалансированный. Не важно, будет ли у нас в этом году дефицит минус 3% или минус 2,5%, и не важно, что пару лет назад был профицит, а важно то, что у нас в бюджете постоянно сокращается доля производительных расходов, доля инвестиций в человеческий капитал и разрастается доля непроизводительных расходов. Такой бюджет обречен на то, что он не может определять ориентиры развития, не может помочь разделить риски и, таким образом, способствовать развитию. Мне кажется, мы должны принципиально пересмотреть все, что касается параметров индексации тех или иных статей бюджета, разделения его на защищенные и незащищенные статьи, на то, что связано с публичными обязательствами и не связано с публичными обязательствами, и так далее.

Ведущий: Сейчас я хотел бы попросить выступить Андрея Нечаева по двум причинам. У каждого есть своя

причина, почему он здесь находится. Если Алексей Валентинович – действующий министр экономического развития, то Андрей Алексеевич Нечаев был первым министром экономики в нынешнем значении этого слова в правительстве Гайдара и первым из трех здесь присутствующих заместителей директоров Института экономической политики.

Нечаев Андрей Алексеевич,
член Попечительского совета
Фонда Егора Гайдара, министр
экономики России (1992–1993)

*«Нельзя за счет одних государственных
инвестиций вытащить
российскую экономику»*

Важная особенность института с самого начала его создания заключалась в том, что он не боялся занимать позицию. Первый раз нам пришлось это сделать 19 августа 1991 года – в первый день путча, когда руководство Института приняло решение не подчиняться ГКЧП и подготовило такой короткий, энергичный документ – «Экономическая программа хунты». Мне за него до сих пор не стыдно, он был сделан второпях, но очень качественно, а главное – с позицией. И второй раз – когда большая часть института согласилась принять участие в «правительстве камикадзе», которому довелось начинать экономические реформы в России. На этом я ностальгическую часть закончу. Просто мне хотелось бы пожелать, чтобы наш институт продолжал занимать ту же позицию и никогда не боялся говорить, может быть, и неприятные вещи, в том числе и decision-maker'ам.

Меня очень порадовало то, что сказал Алексей Валентинович, потому что сейчас было бы очень опасно предаться иллюзии легких решений. Если проанализируем ситуацию последних лет, то увидим, что спад основных макроэкономических показателей начался где-то с 2012 года после короткого восстановительного посткризисного периода – такой четко пикирующий тренд – до Украины, до всяких санкций, даже до падения цен на нефть. Это совершенно очевидно означает, что та модель, которая была выбрана в середине нулевых, завела нас в тупик. Для меня здесь, например, важна не столько сырьевая ориентация экономики, сколько ставка на абсолютное преобладание госкомпаний, не говоря уже о том, кем они возглавляются, – как правило, это люди из очень узкого приближенного круга, что явно не способствует эффективности их деятельности.

Первый момент. Иллюзия легких решений в том, что можно кардинально поменять ситуацию, ничего не меняя кардинально в самой системе организации экономики. Нарастить государственный инвестиционный спрос в известных пределах можно, хотя сейчас гораздо сложнее, но какого-то существенного изменения не произойдет, потому что нельзя за счет одних государственных инвестиций вытащить российскую экономику на стабильно высокий или, по крайней мере, адекватный для нас темп роста. Модная тема – инвестиционная эмиссия: напечатать, например, 1,5 триллиона рублей дополнительно в год. Для большинства здесь присутствующих понятны последствия такой меры. И это точно никак не скажется серьезным образом на экономическом росте. Потому что до тех пор, пока мы не создадим институты, системы институтов, которые защищают частную собственность, включая независимую судебную систему,

все эти частные и даже очень крупные решения никак-го эффекта, к сожалению, давать не будут.

Второй момент, который мне представляется принципиально важным из серии, что надо делать в первую очередь, и одновременно как бы перекидывает мостик к идеям Гайдара, нуждающимся сейчас в дальнейшем развитии и реализации. Егор Тимурович очень много привнес в Налоговый и Бюджетный кодексы, и стал большой ошибкой уход от того бюджетного правила, которое было задано в Бюджетном кодексе в его первоначальном варианте: разделение 50 на 50 финансов между федеральным бюджетом и бюджетом остальных уровней. Мне кажется, сейчас самая опасная мина замедленного действия у нас лежит даже не в сфере пенсионной системы и пенсионной реформы, а именно в сфере региональных и особенно муниципальных финансов. Сейчас эта пирамида такова: 65% – федеральный бюджет, 25% – регионы и только 10% – местное самоуправление. Это чрезвычайно опасно. И эта опасность продолжает усугубляться, что выражается в том числе в росте задолженности муниципальных и региональных бюджетов. За 4 года более чем в 2 раза возросла задолженность муниципальных и региональных бюджетов. Причем значительная ее часть – это коммерческие долги, в том числе перед банками. То есть мы фактически ликвидируем местное самоуправление. С этой стороны мы его ликвидируем в финансовом смысле, а уже дальше это дополняется отказом от выборов мэров, отказом от прямых выборов депутатов в крупных городах с районным делением, назначением сити-менеджеров исполнительной власти. То есть сама идея местного самоуправления как прямой связи между гражданами и первым уровнем власти ликвидирована. Однако в данном случае, поскольку мы обсуждаем все-таки не столь-

ко политические, сколько экономические вопросы, это дополняется фактически ликвидацией финансовой базы местного самоуправления и регионов, что мне представляется крайне опасным.

Конечно, крайне негативную роль здесь сыграли так называемые социальные, или майские, указы президента – абсолютно благие по заявленным целям и намерениям. Однако, в связи с тем что расходные полномочия были переложены в значительной степени на регионы, а адекватной базы в смысле перераспределения налогов или даже прямых субсидий из федерального бюджета им не дали, сейчас мы наблюдаем картину, когда, за малым исключением, региональные бюджеты сворачивают инвестиционные программы, жилищное строительство, дорожное строительство. Бюджеты тех немногих регионов, у кого были какие-то инновационные программы, превращаются в кассу по раздаче зарплат бюджетникам, и все равно средств не хватает.

И дальше принимаются уже крайне рискованные решения типа реформы здравоохранения, выражающейся просто в сокращении численности врачей и других категорий медицинских работников, в ликвидации отделений, целых больниц и так далее. Понятно, что, если надо увеличить дробь, а у вас нет возможности увеличить числитель, конечно, логичное решение – уменьшать знаменатель. Но едва ли эта ситуация идет на пользу делу.

Я знаю, что институт всегда уделял довольно много внимания в своих исследованиях региональным финансам и бюджетированию, в том числе региональному бюджетированию. Как бывший заместитель директора по научной работе рекомендовал бы сейчас это направление максимально усилить. Нашим друзьям и коллегам из правительства все-таки надо эту практику попытать-

ся кардинально пересмотреть, в противном случае – еще раз говорю – на этой мине замедленного действия мы очень скоро подорвемся.

А в целом я хочу вас всех поздравить. Институт, слава богу, жив! И не в качестве некоего мемориального кабинета или заведения, а в качестве вполне дееспособного мозгового центра.

Ведущий: Я хотел бы попросить Андрея Клепача выступить как человека, который часто выступает нашим надежным оппонентом. Всегда нужен хороший оппонент, с которым не споришь в терминах «дважды два – стеариновая свечка», а находишься, по крайней мере, в понятном диапазоне различий.

Клепач Андрей Николаевич,
заместитель председателя
Внешэкономбанка (ПАО)

*«Можно спорить об оптимальных
размерах государства,
но не оно является
главным драйвером»*

Да, действительно, значительную часть жизни мы оппонировали. Но так или иначе самое важное – мы переживали за одни и те же проблемы и пытались в результате полемики и практических действий сделать так, чтобы были справедливыми и эффективными и система институтов, и российская экономика.

В каком-то смысле мы родственники. Если я правильно помню, Егор Тимурович и Андрей Алексеевич Нечаев – выходцы из Института прогнозирования научно-технического прогресса, который создавали покой-

ные ныне Александр Иванович Анчишкин и Юрий Васильевич Яременко и который сейчас носит название Института прогнозирования, где я тоже в свое время работал. В этом смысле есть несколько позиций, которые всегда были нитью наших споров и в 1990-е годы, и сейчас. Но, может быть, важнее даже не научные споры, а споры о том, больше эмиссии или меньше, либо больше ли динамика бюджетных расходов, т.е. такие количественные прикладные различия, и так далее. Были и более общие фундаментальные различия, которые имеют значение и для того выбора, который сейчас мы вынуждены делать, и для того будущего, которое все равно вместе надо конструировать.

В принципе, если отталкиваться от идеологии Института прогнозирования, то для него, может быть, исходной точкой был не вопрос институтов и даже не вопрос равновесия, а то, что Яременко называл целостностью экономики. Это не просто фраза, за этим шел другой подход к поведению предприятий и отдельных отраслей, когда мы идем не от частного оптимума, от частной эффективности, которая дальше складывается в некоторое равновесие через конкуренцию, через равновесные цены, а наоборот.

И если точкой отсчета является целостность всей экономики, то это уже накладывает серьезное ограничение на то, как ведет себя предприятие, та или иная отрасль либо сектор экономики. В практической жизни это задавало несколько другие подходы и к ценообразованию, и к либерализации цен. Особенно к таким ключевым ценам, как цены на энергоносители – газ, электроэнергию. Цены на них вначале определялись директивно, сейчас – только в части сетевой составляющей электроэнергии (хотя газ у нас регулируется директивно по-прежнему). Это тоже одна из точек и теорий при-

кладной политики, в которой мы не нашли устойчивого эффективного решения до сих пор, потому что, по сути, мы идем от одной модели, от одного принципа к другому. А модель, которая бы была устойчивой и позволила совместить интересы энергетического сектора и экономики в целом, так и не найдена.

Мы проверяли несколько принципов, когда шли от издержек с теми или иными подходами к их нормированию и когда вводили доход на инвестиции (РАВ) применительно к электроэнергии, к сетевому хозяйству, пытались распространить это на железнодорожное хозяйство. В 2005 году, если я правильно помню, и сейчас, по сути, привязывались к инфляции с тем или иным дисконтом.

Я сейчас не хочу вдаваться подробно в конкретные вещи, просто скажу о некоторой проблеме, где мы испытали несколько разных средств лечения, но устойчивого механизма балансирования интересов не нашли до сих пор.

В традициях Института прогнозирования было делать акцент на структурную политику и структурные дисбалансы. Это и сейчас достаточно острый вопрос наших не столько теоретических, сколько прикладных споров.

В 1996 году Яременко в одной из своих последних статей фиксировал три ключевые структурные проблемы российской экономики, которые мешали переходу к экономическому росту, провоцировали инфляцию и дисбаланс.

Первая – проблема социального долга и социальных обязательств, которые находились в разрыве. Мы сейчас акцентируем внимание на том, больший или меньший дефицит бюджета возникнет в соответствии с теми социальными обязательствами, которые существуют. Для

Яременко был важен ответ на вопрос: в состоянии ли наша экономика выдержать те социальные обязательства, которые были, если иметь в виду ее зависимость от экспорта энергоносителей и, вообще, дисбаланса между энергосырьевым сектором и остальными секторами? И сейчас, когда прошло уже почти 20 лет, мы опять упираемся в проблему: может ли наша экономика с ее крайней зависимостью от цен на нефть, от объема экспорта нефти и газа выдержать социальные обязательства? Причем обратная сторона этого – те сектора, которые не напрямую завязаны на энергию и сырье. Но, по сути, их жизнь, доходы тоже во многом – уже косвенно через государство, через спрос со стороны энергетических компаний – определяют и зарплаты, и занятость в экономике, и по своим показателям эффективности они значительно отстают от мировых требований, а зачастую и от самого энергосырьевого сектора.

Как здесь найти баланс? В полной мере мы его не нашли, точка равновесия меняется. Когда цены на нефть росли – хватало всем: и нефтяники, и газовики были в шоколаде, хватало военным, хватало на рост зарплат бюджетников. Когда цены стабилизировались – если брать по сравнению с точкой отсчета в прошлом или позапрошлом году, – резко упали зарплаты. Как мы будем балансировать эти социальные обязательства? И какой должна быть эффективность как в энергосырьевом секторе, так и во всех остальных, чтобы экономика могла расти? Какой ценой это будет достигаться?

Мне кажется, здесь есть тоже точки соприкосновения для наших институтов. Для линии Института Гайдара более важен акцент на бюджетную балансировку, на инфляционные процессы, для Института прогнозирования – на структурные сдвиги и воздействие на объемы предложения или эффективность использования ресур-

сов. Это две стороны одной медали, т.е. выработка некоей структурной устойчивости, устойчивости не только макроэкономической и финансовой, но именно структурной.

Вернусь к статье Яременко. Вторая проблема – это вопрос инвестиционных издержек, или, точнее, выражаясь современным языком, соотношения инвестиций и их отдачи. На мой взгляд, главное здесь не то, частные или государственные это инвестиции. Я согласен с некоторыми выступавшими здесь в том, что если государство не рискует, не берет на себя часть рисков частного бизнеса и не решает тех задач, которые частный бизнес либо вообще не может решить, либо в значительной степени не может решить (например, развитие транспортной инфраструктуры, вложения в человеческий капитал), то трудно ожидать от частного бизнеса действительно реальных инвестиций. Каким бы хорошим инвестиционным климатом мы его ни вдохновляли.

Здесь есть и другая сторона медали. Долгие годы мы жили в условиях (как, кстати, это было и в 1990-е годы) падения экономики. В последние годы, за исключением этого года и предыдущего, экономика все-таки росла в условиях достаточно низкой капиталоемкости очень многих наших проектов. У нас был большой запас неиспользованных мощностей, у нас была продукция, если брать выход из кризиса 1998 года и даже в 2008-м, 2009-м годах, когда мы могли эти мощности без слишком больших инвестиций довести до нормального уровня загрузки и при том соотношении цены и качества, которое было, нарастить объемы продаж. Сейчас мы так или иначе входим в ситуацию, когда любые технологические изменения достаточно капиталоемки, а отдача, естественно, от них будет в длительном времени. И это не только человеческий капитал, это, по сути, техноло-

гии, которые мы вынуждены реализовывать в машиностроении и в том же нефтегазовом комплексе. Нефтегазовый комплекс долгие годы жил в условиях низкой капиталоемкости. Сейчас эта возможность утрачивается. Если мы говорим про арктический шельф (я надеюсь, мы в него активно не полезем), то это крайне капиталоемкие проекты, они будут эффективны, только если цена на нефть будет под 100 долларов за баррель и более.

Если брать вопросы повышения коэффициента извлечения нефти, который у нас сейчас ниже, чем при советской власти, где-то 26–27%, тогда было около трети, то все они связаны с новыми технологиями и с достаточно большим ростом капиталоемкости этих проектов. И возникает вопрос: какую капиталоемкость и какие проекты можем мы себе позволить при каких ценах (тем более если цены на нефть и на газ в среднесрочной перспективе будут недостаточно высокими)?

Это была тоже одна из позиций Егора Тимуровича, причем еще в 1980-е годы, когда он критиковал очень многие проекты – как в мелиорации, так и в масштабных инвестициях. Без инвестиций нельзя, но все равно возникает еще более жесткий спрос с эффективности этих инвестиций. Если мы хотим делать газопровод «Алтай» по ориентировочной стоимости 20 с лишним миллиардов долларов, но реально (как при каждом строительстве) это будет дороже. Когда эти деньги вернутся? Вроде бы это деньги не из бюджета – деньги «Газпрома», но реально за это заплатят все российские потребители.

Нужны ли столь капиталоемкие проекты в тех условиях, в которых мы сейчас находимся?

Да, инвестиционный рост нужен, это не решенная нами задача. Но, может быть, целый ряд инвестиционных проектов надо сдвигать в будущее либо вооб-

ще от них отказываться и переходить на другого типа проектный подход, который могут реализовать и бизнес, и государственный бизнес типа «Газпрома», но от которого будет более быстрая отдача?

Третий вопрос, который сближает нас, – это проблема государственных военных расходов и, вообще, масштабов оборонно-промышленного комплекса. Безусловным является факт, что сейчас оборонно-промышленный комплекс, его рост является одним из технологических драйверов, спросовых драйверов нашей экономики, особенно промышленности. Но если большинство качественных ресурсов, инженерно-техническая и электронно-компонентная база начинают уходить в оборонку, что останется для других гражданских секторов? Что будет происходить в экономике? В свое время Яременко считал, что именно форсированное развитие оборонного комплекса и увеличение оборонной нагрузки стали одним из факторов, который разбалансировал экономику 1980-х годов.

Сейчас мы находимся в другой ситуации, но, в принципе, дилемма и проблема та же самая: как найти некоторый баланс между интересами оборонно-промышленного комплекса и оборонными расходами, которые мы вынуждены в нынешней геополитической ситуации нести, и развитием бюджета, а также решением других задач? Без определенной оптимизации на уровне расходов, на уровне реального движения ресурсов – и человеческих, и материальных – в самой экономике, видимо, решить эти проблемы нельзя.

Последний аспект, который, как мне кажется, нас идейно объединяет: можно много спорить об элементах дирижизма, об элементах стратегического планирования, это не является уже некоторой анафемой.

У нас принят закон, у нас есть некоторые работы, в том числе совместные работы и по стратегии, и по госпрограммам. Та же госпрограмма – это не только бюджетный инструмент, это инструмент государственной политики, более того, даже инструмент частно-государственного партнерства. Если мы говорим о госпрограмме в сельском хозяйстве, о госпрограмме в промышленности, она может быть успешной только в том случае, если создан хороший механизм поддержки бизнеса и реализации именно частных проектов, а не только государственных.

При этом можно спорить об оптимальных размерах государства, но не оно является главным драйвером. Все будет работать только в условиях, когда у нас есть свобода предпринимательства и свобода хозяйственного выбора – и в этом смысле свободная экономика.

Меня всегда привлекало в Егоре Тимуровиче то, что при всех спорах по конкретным аспектам бюджетной и инфляционной политики он был рыцарем свободного развития России и российской экономики. И эта традиция, на мой взгляд, живет в Институте Гайдара.

Хочется пожелать вам эту традицию, этот дух сохранить, как бы мы ни спорили о конкретных параметрах эмиссии, бюджета или о структурных подходах.

Ведущий: Теперь я хотел бы предоставить слово Ярославу Ивановичу Кузьминову. Мы порылись в анналах и обнаружили, что Ярослав Иванович был штатным сотрудником института.

Кузьминов Ярослав Иванович,
ректор Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»

*«В ближайшие 15 лет, даже не 25, предстоит
период роста либерализма в России
во всех направлениях»*

Я должен сказать, что юбилей Института Гайдара – это юбилей и Высшей школы экономики.

Институт Гайдара возник немного раньше, чем Высшая школа экономики, но сумел сыграть роль стабилизирующего института в ее зарождении и развитии. Мало кто знает, что проекты были придуманы и запущены практически одновременно – в конце 1989 года. Но Высшая школа экономики первые два года своего существования размещалась на территории Института Гайдара, потому что младореформатор Анатолий Борисович Чубайс не нашел возможности реализовать постановление правительства и наделить нас зданием.

Поэтому мы живы только благодаря тому, что Егор Тимурович поместил нас в стенах своего института. Таким образом, сегодня это и наш юбилей. Институт Гайдара – наш старший брат.

Я хотел бы поговорить сегодня о социальном аспекте настоящего и будущего. Он довольно парадоксален.

Я начну с тезиса, что Институт Гайдара – это цитадель либерализма, всегда он так воспринимается. «Вышка» уже совсем большая, там разные есть коллеги, а Институт Гайдара всегда был знаменем одного течения в нашей экономической мысли. Это его огромная заслуга, что в течение 25 лет в очень сложных социальных и политических условиях он смог это сохранить и ни разу не отступил от принципиальной позиции. Это

очень дорогого стоит, этим немногие могут похвастаться. И сегодня, видя своих товарищей, которых я помню еще по 1990-м годам, хочу вам всем сказать большое спасибо, коллеги, за то, что вы делали все эти годы.

Так вот, насчет либерализма. Сегодня либералы в загоне, они не могут собрать 2–3% поддержки населения. Господствует патернализм, частная собственность легко попирается. Но я считаю, что нам в ближайшие 15 лет, даже не 25, предстоит период роста либерализма в России во всех направлениях.

Мне кажется, что у нас наступает некоторый момент истины, он скажется уже в ближайшие 2–3 года. В «Программе-2020» два приоритета: человеческий капитал и инфраструктура. Самое интересное, что эти приоритеты официально поддержаны правительством. На последних чтениях в Думе министр финансов Антон Германович Силуанов сказал, что да, первое – человеческий капитал, второе – инфраструктура. Но, к сожалению, реально-то бюджетные приоритеты другие. Мы продолжаем поддержку нежизнеспособных производств и энергично наращиваем финансирование государства в самых разных его аспектах, отнюдь не только оборонных.

Я согласен с необходимостью сегодня значительной доли оборонных расходов, но речь идет далеко не только о них. Условно говоря, наращиваются непроизводительные государственные расходы. И внешнеполитическая картина подталкивает нас к сохранению существующей структуры государственных расходов, даже во многом к усугублению этой структуры.

Довольно широко ведутся разговоры о том, что бюджет 2017 года будет еще хуже для социальных отраслей и в целом для социальной картины, чем бюджет-2016. Но давайте оценим возможный результат политики, ко-

торая реализуется сейчас. Если посмотрим на структуру населения, на социальный портрет российского общества, то увидим:

2000 год – 12% средний класс, примерно треть – в неформальном секторе, две трети еще в формальном секторе, в основном это крупные предприятия, и 30% – за чертой бедности;

2005 год – 15% среднего класса, сильно больше трети уже – неформальный сектор, 17% – за чертой бедности. Первым делом в начале 2000-х годов мы стали энергично справляться с этой зашкаливающей бедностью, и я считаю, что это было правильно;

2012 год, некоторый топ наших достижений, – 30% среднего класса, но уже половина в неформальном секторе, т.е. постоянно растет неформальный сектор экономики при любой погоде, и всего 10% – за чертой бедности.

Это наши максимальные достижения. Что получается сейчас? Средний класс, судя по всему, потерял 3–4% численности, очевидно, что в ожидаемом близком будущем потеряет еще несколько процентов. То есть маргинальная его часть перешла в несредний класс, снова вернулась в неформальный сектор. И уже 15% – за чертой бедности. По бедным мы вернулись в 2005 год, на 10 лет назад. Как вообще мы будем развиваться?

Совершенно очевидно, что та экономическая ситуация, которая у нас складывается, не способствует росту занятости в формальном секторе. Крупные предприятия сбрасывают персонал. Правда, делают это еще в очень российской форме, резко снижая зарплату без увольнения работников. На многих предприятиях (у нас есть данные об этом) зарплаты сокращены на 15–20%, и, в принципе, готовится дальнейшее снижение. Я думаю, что в какой-то момент мы увидим, что новых людей не

будут нанимать, а люди, входящие на рынок, выпускники системы образования – это наиболее социально требовательный класс общества. Мы так или иначе столкнемся с проблемой безработицы пусть не в 2016 году, но в 2017–2018 годах. Мы столкнемся с проблемой реальной безработицы, как, например, испанцы – там около 60% населения в возрасте до 28 лет не имеют формальной занятости.

С чем мы столкнемся в следующие 15 лет? Как мы сегодня оглядываемся на 2000-й, так мы можем заглянуть в 2030-й.

Во-первых, нам предстоит резкое изменение структуры предложения на рынке труда. 70% населения до 30–35 лет будут составлять люди с высшим образованием, не готовые работать руками, не готовые к работе в условиях жесткой регламентации своих действий, жестких технологических регламентов. В принципе, ни в одной стране люди с высшим образованием не готовы занимать непрестижные рабочие должности, максимум – это водитель такси. Это не работник сборочного производства, не работник сельского хозяйства и так далее. И если не будет рабочих мест в формальном секторе, что станут делать все эти люди? Явно, что они все не уедут, хотя, наверное, мы можем предсказывать, что трудовая миграция будет расти. Они могут начать бизнес, они могут стать фрилансерами, но они не пойдут в колхозники. И эта ситуация совершенно нового входа образованного класса на рынок труда безотносительно к любым социально-политическим вещам будет толкать нас к более либеральной модели организации как бизнеса, так и социальной сферы.

На это накладывается еще одна тенденция, на которую мы с вами должны сегодня обратить внимание: у нас будет абсолютно другая экономика по структуре

отраслей. В 2011 году мы вместе с Российской ассоциацией электронных коммуникаций измерили долю Интернета в российской экономике. Она была равна 1% ВВП. Никто не поверил, многие пересчитывали. Сейчас, по тому же исследованию, это 2,2% ВВП. То есть к 2030 году даже при условии замедления роста этой доли у нас интернет-экономика (а это только один сектор интеллектуальных услуг) будет составлять от 5 до 10% ВВП.

По всему миру идет рост экономики интеллектуальных услуг, рост экономики впечатлений. Поэтому у нас есть определенные шансы на то, что новый средний класс или новые люди, желающие быть средним классом, не уезжая из России, будут просто частью глобальной интернет-экономики, глобальной экономики впечатлений. Шансы быстрого развития, я считаю, у нас есть, есть уже и сектор – это туризм, например.

В ближайшие 2–3 года экономика может расти за счет секторов, в которых нет инвестиций. Это безынвестиционный рост или рост без необходимости приобретения новых технологий. Они просто слишком дорогие.

Сколько может продлиться этот рост без инвестиций? Сколь долгосрочным может оказаться стабильное существование экономики с очень ограниченными инвестиционными ресурсами или в ситуации, когда мы опираемся только на собственные ресурсы компаний?

Нам нужно преодолевать исключение из глобального рынка капитала, отсутствие национальных инструментов капитализации средств населения. Я говорю о совершенно очевидной вещи: без инвестиций, без стабильного источника инвестиций для новых проектов российская экономика имеет все шансы ориентировочно к 2025–2030 годам попасть в группу стран, которая характеризуется тремя особенностями: 1) значительно бо-

лее низкой продолжительностью жизни (это, в принципе, и сейчас у нас есть, мы это медленно преодолеваем); 2) технологиями второго разряда; 3) очень низким социальным капиталом.

О последней особенности я хочу отдельно сказать. У нас слабое государство, неэффективное, внутри приватизированное очень сильно. И у нас очень низкий социальный капитал, у нас очень низкий уровень доверия в стране – межличностного, к законам, к власти. И формировать это доверие может только ускоренное развитие некоммерческого сектора, общественных объединений. И как раз с ростом некоммерческого сектора, с социально ориентированными НКО, у нас сейчас обстоит дело крайне плохо. Мы не используем потенциал сектора некоммерческих организаций, которые являются очень важным социальным демпфером, элементом социальной сферы практически во всех развитых странах. Мы его не используем, а по-прежнему распределяем социальные услуги государства только через бюджетные учреждения, а это означает низкое качество социальных услуг.

К чему мы можем прийти? Фактически мы можем выйти на модель очень жесткого социального либерализма: низкий уровень межличностного доверия, минимизация государственных гарантий и режим «каждый сам за себя». А что это такое? Плохая школа (снова как в начале 2000-х годов), детский сад как «загончик», куда ты приводишь ребенка со своим бутербродом, клиника, куда ты приносишь свои бинты, лекарства и так далее. То есть мы можем вернуться на более де-факто низкий уровень социальных гарантий.

Сейчас, например, мы пытаемся прыгнуть с места на три своих роста в системе здравоохранения. В системе здравоохранения мы задали стандарты, на которые

наши коллеги в Европе, где тоже близкое по типу финансирования здравоохранение, тратят в 4 раза больше. У них в 2 раза больше доход на душу населения, они тратят в отличие от наших 4, 8 или 9% ВВП, а формально заявленные медицинские гарантии одни и те же. Машина с одним колесом не может ехать, ей нужны 4, по крайней мере, 3 колеса, она хоть как-то будет передвигаться.

Все это должно сформировать сценарий для резкого роста платежей населения в социальной сфере просто от безысходности. Какая здесь есть развилка? Или это дикий рост платежей населения, мы уже с вами проходили его, или платежи через новый институт – через негосударственные пенсионные фонды, через частную медицину, индивидуальные отчисления в фонды добровольного медицинского страхования. Или мы структуру платежей населения пропустим через новые инструменты (главный инструмент – это, конечно, новая пенсионная система), или мы останемся и без инвестиционных источников, и без источников цивилизованного развития социальной сферы.

Такая страшилка совершенно реальна: если мы просто экстраполируем нынешние тенденции, то получим общество, где каждый сам за себя.

Я не верю и не хочу верить в то, что это российский сценарий. Я твердо уверен в том, что Россия имеет очень большой потенциал восстановления не только солидарности с государством, но межчеловеческой солидарности, групповой солидарности. И жизнь, я очень надеюсь, перечеркнет эти мои рассуждения. Однако на сегодняшний день все толкает и экономику, и общество к радикально-либеральному сценарию социальной политики и к либеральному сценарию политики экономической. Но это будет либеральный сценарий а-ля 1990-е годы, когда

у Виктора Степановича Черномырдина просто не было денег, поэтому он становился либералом и даже монетаристом.

Ведущий: Спасибо большое. Теперь декан экономического факультета МГУ Александр Александрович Аузан.

Аузан Александр Александрович
декан экономического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

*«Экономическому скачку должен
предшествовать резкий скачок
в накоплении доверия»*

Я хотел бы продолжить тему инвестиционной стратегии, но немного в другом ключе, в той постановке, которая встречается у Егора Гайдара. С Егором мы общались еще в студенческое время. Хотя я не принадлежал к числу коллег по институту, но человеческое общение у нас сохранялось на протяжении многих лет.

Я хочу напомнить, что Гайдар первый ввел в российский научный оборот таблицы Ангуса Мэддисона и проблему траектории (path-dependence problem), «эффекта колеи». (Обычно этот термин переводят как «проблема зависимости от траектории предшествующего развития»). По-моему, это очень неудачный перевод, потому что не все зависит от прошлого. Здесь, скорее, речь идет о том, что страны попадают в колею и с трудом ее покидают. Отсюда интересные вопросы: почему они в нее попадают и почему так трудно ее покинуть?). Сделал это Егор Гайдар в книге «Долгое время». Это не новая для России проблема. Еще Салтыков-Щедрин говорил: в России за 5 лет меняется всё, за 200 лет – ниче-

го. Мы начинаем ощущать цикличность российской истории на себе в последнее время довольно сильно, но я бы предложил все-таки подходить к этому как к объекту исследования, которое требует размышлений и определенных действий.

Когда Мэддисон свел некоторые показатели (например, данные по популярному показателю «валовой продукт на душу населения») по разным странам практически за два века – с 1820 по 2008 год, обнаружили удивительные вещи. Во-первых, оказалось, что в этих таблицах страны довольно четко делятся на группы. Не условно, но вполне четко: между группами возникает очевидный разрыв, который по ходу истории может увеличиваться. Во-вторых, оказалось, что страна очень редко покидает свою группу и перемещается в другую.

Эти данные уже после смерти Мэддисона интерпретировались не только Дугласом Нортон, который работал и при жизни Мэддисона, но и Дароном Асемоглу и Джеймсом Робинсоном в их новых книгах. В русской традиции регулярно воспроизводилась структура вертикального контракта. Были замечены по меньшей мере в конце XIX – начале XX века и подробно описывались, скорее, философами, чем экономистами, специфические явления российского вертикального контракта: крепостничество и самодержавие. Это штука, которая на самом деле коренится в экономической конструкции, в которую вошла Россия где-то на рубеже XV и XVI веков. Воспроизведение этого в политической и экономической сферах происходило неоднократно. Россия, выйдя из Смутного времени (я имею в виду Земский собор 1613 года), снова вернула себя в прежний порядок, т.е. восстановила самодержавие и крепостничество. Так называемые ошибки первоначального институционального выбора, случайные ошибки, сделанные когда-то,

много веков назад, потом воспроизводятся и сказываются. Я могу сослаться на очень интересные исследования, скажем, русских философов Серебряного века. Например, на две работы: «Россия и свобода» православного философа Георгия Федотова и «Истоки и смысл русского коммунизма» Николая Бердяева.

Сегодняшнее понимание состоит в том, что институты – первоначальный институциональный выбор, закрепляемый культурой, – включает механизм повтора истории.

Теперь давайте посмотрим на нашу тематику с этой точки зрения. Ярослав Кузьминов говорил, что в «Стратегии-2020» были признаны две важные цели: человеческий потенциал и инфраструктура как объекты первостепенного вложения. Андрей Клепач говорил о том, что фактически вложения в настоящее время идут только в оборонно-промышленный комплекс. А Яременко полагал, что вложения подобного рода могут иметь определенные последствия и могут быть определенным образом использованы. К сочинскому форуму были проведены опросы членов Экспертного совета при Правительстве России. И вот что интересно: когда вопрос стоял о приоритетах увеличения бюджетных расходов, на первое место вышли именно человеческий потенциал и инфраструктура, которые позволяет реализовывать, в частности, пространственный потенциал. Но когда вопрос встает о вероятности увеличения бюджетных расходов на ту или иную статью, все переворачивается. На первое место становится оборонно-промышленный комплекс, на второе с большим отставанием – инфраструктура и на третье с 6% – образование и здравоохранение.

Почему происходит это переворачивание? Давайте проанализируем, что писали эксперты, отвечая на во-

просы анкеты об инвестиционных сценариях. Я согласен с Ярославом Кузьминовым: есть проблема очень низкого доверия. Ключевой ограничитель долгосрочного развития – нарастающий кризис доверия. Экономическому скачку должен предшествовать резкий скачок в накоплении доверия, так называемый «институциональный капитал». Мы не имеем сейчас такой перспективы. К сожалению, оценки не только институционального, но и межличностного доверия у экспертов довольно пессимистичные. И вот что получается. Когда заходит речь о реальном горизонте планирования лиц, принимающих государственные решения, то, по мнению экспертов, работающих с правительством, реальный горизонт планирования – до 3 лет, от 1 до 3. Возможный в нынешних условиях – может быть, 5–6 лет. А очень желательный – от 10 лет и более. Вот таким образом происходит это переворачивание в условиях низкого доверия и коротких горизонтов планирования.

Конечно, как справедливо отметил Алексей Валентинович Улюкаев, эффекты от вложения в человеческий капитал – это отложенные инвестиции. Это даже не 10 лет, это больше. Вложения в инфраструктуру уже интереснее, там эффекты ближе, а главное – есть побочные эффекты.

А вложения в оборонно-промышленный комплекс еще интереснее, поскольку они не только политически оправданы, но еще и осуществляются в достаточно закрытых условиях.

При сочетании короткого горизонта планирования и низкого социального капитала мы попадаем в «ловушку колеи» – это и есть *path-dependence problem* в нашем реальном варианте.

Обратите внимание, что цели – консенсусные. Алексей Кудрин, Сергей Глазьев, Абел Аганбегян и Сергей

Иванов – все они говорят о том, что нужны большие вложения в человеческий капитал. Но все отмечают: плыть нужно туда, но на самом деле корабль несет совсем не в эту сторону. Это и есть «эффект колеи», он в том и проявляется, что вы провозглашаете цели на север, а корабль несет на восток.

Вопрос: что с этим можно сделать?

Во-первых, на мой взгляд, необходимо начинать не короткие, а достаточно длинные трансформации. Если обсуждать долгосрочные перспективы на 2030–2035 годы, то эти вложения начинают смотреться уже не как объекты инвестиций, а как определенные образы будущего, к которым ведут те или иные траектории.

Газонефтяная траектория, видимо, исчерпана. И если оставаться на этой траектории, впереди скучная страна, через которую будет проходить дорога из Китая в Европу, в этой стране будут жить гастарбайтеры, менеджеры и охранники, детей станут отдавать в финскую школу. Такая перспектива не обсуждается.

А какие обсуждаются? Есть соблазн стать военной сверхдержавой, потому что накоплен огромный военнотехнический потенциал. Мы – самая большая страна мира. Может быть, пора реализовать пространственный потенциал вложениями в инфраструктуру? Можно сделать ставку на человеческий потенциал, которым мы обогреваем мир 25 лет, а на самом деле больше – примерно с конца XIX века. Я бы сказал, что надо понимать, куда мы идем сейчас, для того чтобы перестраиваться в ту сторону, куда идти хотели бы. Мне кажется, возможен такого рода длинный поворот. Он требует преобразований не только институциональных.

Почему мы все время твердим: нужны институты, институциональные реформы и так далее, и так далее? Из этого мало что получается, даже в периоды, когда

эти институциональные реформы делаются: значительная часть институтов отторгается, перерождается, получает другие функции.

На мой взгляд, невозможно осуществлять сдвиг формально технический, не производя одновременно сдвиг по культуре в неформальных институтах, потому что «ловушка path-dependence problem» работает именно так – сочетая ошибки институционального выбора с закреплением в культурах, в стереотипах, в ценностях поведения.

Необходимы преобразования в трех аспектах:

- преобразования институциональные, о которых мы говорим;
- определенная культурная политика из завтра в сегодня, связанная с выбором образа будущего и с использованием образования;
- трансформация социального контракта, которая на самом деле есть преобразование того, что лежит в основе политических рынков.

Не может быть человеческого капитала как цели, если экономика не предъявляет спрос на человеческий капитал. А наша экономика пока не предъявляет существенный спрос на высокий человеческий капитал. Поэтому либо вы идете по фазам, например, через пространственное развитие, повышая спрос на высококачественный человеческий капитал, повышая тем самым его роль на политических рынках и постепенно трансформируя социальный контракт, либо вы имеете то, что имеете: обмен образа военной великой державы на снижение потребления на 10%, то, что и произошло за последние 1,5 года.

Мне кажется, что этот поворот в инвестиционном смысле выглядит примерно следующим образом: мы идем от одного образа к другому, при этом продвигаясь

по социокультурным характеристикам и по источникам инвестиций. Главным инвестором потенциально является население, у которого 31 триллион рублей, между прочим, а не 4 триллиона, как у бизнеса, и не 9,6 триллиона накопленного запаса, как у государства.

На мой взгляд, это взаимосвязанный сдвиг в целевой культурной установке, в культурной политике и институциональной политике и в том, кто это развитие финансирует. Поэтому я, завершая, сказал бы, что, с моей точки зрения, есть первоочередные меры, о которых надо, по крайней мере, подумать при запуске таких длинных реформ.

В истории России, пожалуй, единственные длинные реформы – это великие реформы Александра II. Между тем, мне кажется, выход из таких длинных исторических волн, из исторической цикличности путем коротких реформ, в принципе, невозможен. Мы, по существу, повторяем и усиливаем ту цикличность, которая у нас работает, через институты и культурные тренды.

Я согласен с Андреем Клепачем, что сначала надо подумать: нельзя ли сделать интеллектуальный маневр на базе нынешнего оборонно-промышленного комплекса?

Если говорить честно, инновация потребителю, например, не нужна. Зачем каждые два года обновлять телефон? Меня, в общем, устраивает тот Nokia, который у меня был 15 лет назад. Хорошо, смартфон. Его-то чего обновлять? Потребителя можно либо обмануть (и это обратная последовательность, по Гэлбрейту), либо запугать, сказать: не хочешь кормить свою армию, будешь кормить чужую. В этом смысле включается стимул инноваций, если мы можем какую-то военную технологию перекинуть в гражданскую.

Роберт Аллен, который был у нас на конференции 2 недели назад, в разговоре достал айфон и сказал: «Это же военная индустрия, у вас есть военная индустрия. Попробуйте сделать что-нибудь на базе вашей военной индустрии». Не хочу сказать, что я понимаю, как это сделать, но я понимаю, что стимул к инновации там существует, и я понимаю, что очень нелегко ручные технологии, которые существуют в ВПК, превратить в некоторые массовые технологии гражданской промышленности.

Дальше – инвестиции в инфраструктуру через частно-государственные партнерства. Речь идет о децентрализации налогов и полномочий в пользу регионов. Потому как на национальном уровне, скорее, спрос военно-промышленный, на уровне регионов – спрос на образование и здравоохранение более явный.

Я полагаю, что нужно идти на замену косвенных налогов на население на прямые налоги, но селективными механизмами, когда человек мог бы голосовать рублем.

Разумеется, глубоко прав Абел Гезевич Аганбегян, который говорил о том, что у нас с длинными деньгами совсем плохо. Пока у нас есть только накопительная пенсионная система. Ее у нас каждый год убивают, но пока никак не могут убить. Я настаиваю на ее сохранении не ввиду ее страшной эффективности, а ввиду того, что это длинные деньги, идущие через голову населения, т.е. элемент такого большого поворота.

Суммирую первоочередные меры для начала исторического поворота к преимущественному использованию пространственного, а затем человеческого потенциала:

- ОПК: «интеллектуальный маневр»;
- инвестиции в инфраструктуру – частно-государственные партнерства;

- децентрализация налогов и полномочий в пользу регионов;
- повышение прямых налогов на население – введение «элективных» налоговых механизмов;
- поддержка накопительной пенсионной системы.

Мне кажется, что «Долгое время», о котором писал Егор Гайдар, проблема «эффекта колеи» и задача длинных трансформаций – это что-то такое взаимосвязанное. Давайте об этом подумаем. Спасибо.

Ведущий: Поскольку мы обсуждаем программу и стратегию, хотел бы напомнить, что одна правительственная программа была выполнена – программа 1992 года. Правда, она была реализована не за 3 года, а за 7. Парадокс состоит в том, что правительства, которые ее выполняли, были наименее склонны ее выполнять. И чем последовательнее они ее реализовывали, тем меньше они хотели ее выполнять. Но сила программы состояла в том, что она достаточно четко обрисовала те тренды, которые сложились в экономике на тот момент, и внешняя конъюнктура не благоприятствовала их изменению. Это действительно очень интересный феномен. Я сейчас хочу попросить Сергея Константиновича Дубинина выступить.

Дубинин Сергей Константинович,
член Наблюдательного совета Банка ВТБ (ПАО)

*«Нам не хватает понимания,
как из знаний создавать
продукт или услугу»*

Я никогда не работал в Министерстве экономики, в отличие от большинства здесь присутствующих, и никогда не работал в Институте Гайдара. По второму пункту это можно еще исправить, но в Министерстве экономики, я думаю, уже точно без меня обойдутся. Правильно, что нам предложили сегодня обсуждать эффект долгого времени. Это не просто удачный бренд гайдаровской работы. Из общения с Егором Тимуровичем я знаю, что он постоянно соотносил решение текущих задач с ощущением долгого времени.

Гайдар две вещи называл как достижения той самой программы 1992 года. Первое: Советский Союз распался как многонациональное и очень разно- и многокультурное политическое образование без тяжелой гражданской войны. Да, были столкновения, я бы даже сказал, традиционные – Азербайджан и Армения, были какие-то другие точки, но того, чего, наверное, инстинктивно опасалось все население страны, удалось избежать. Показательным примером еще служила Югославия – иллюстрация того, что могло бы быть.

Второе – это то, что первая попытка гражданской модернизации страны происходила не потому, что надо было компенсировать военное поражение, не потому, что нужно было создавать военный потенциал, чтобы противостоять понятному врагу, и так далее, а это прежде всего была попытка выйти из исторической колеи.

Все известные нам попытки модернизации в России проводились под лозунгом военной мобилизации и в значительной степени методами административно-военными. Это давало, несомненно, определенный эффект: он быстро достигается, быстро ощущается.

Модернизация 1990-х годов прошла через революцию 1991, 1993 годов, даже с какими-то боевыми столкновениями, но удалось избежать движения по привычной исторической колее. Мне из сегодняшнего дня кажется, что в то время мы все верили, что нарушена традиция, что не будет уже возврата в эту колею. Верили, что модернизация проводится не ради военных целей и наращивания военного потенциала. В противном случае она становится в основном чисто технологической, какой-то организационной, но чаще всего она ведет к потере свободы и в экономике, и в обществе, а не к ее накоплению. Хотя были и некоторые исключения в годы великих реформ Александра II, когда военной модернизации удалось добиться вместе с определенным освобождением экономики и даже с важными социальными сдвигами.

Мы находимся, как мне представляется, на очень опасном повороте. Страна движется без определения крупных приоритетов, по крайней мере, без их громкого обсуждения, и движется по инерции, но инерция эта затягивает обратно в эту самую колею, что и чувствуется по той же структуре бюджета. Нас сносит в сторону наращивания военно-промышленного комплекса, военного потенциала. Это оправдывается множеством причин.

Сейчас принципиально важно честно обсудить эти проблемы и приоритеты. Это трудно под крики почти сложившегося большинства, которое ничего не слышит и обсуждать не хочет, кроме того, что звучит из телеви-

зора по первым программам, известным каналам. Но я надеюсь, что такое обсуждение все-таки состоится. Важно здесь держать ту позицию, которую удастся держать институту. Нужно предлагать альтернативы, потому что движение по инерции означает, что мы почти наверняка окажемся там, где большинству собравшихся в этом зале оказаться не очень хочется. И поэтому есть проблема выбора приоритетов в развитии, в том числе в инвестиционном развитии.

Об объеме инвестиций здесь говорилось очень много, и я сам много лет при первой возможности об этом старался и говорить, и писать. Без наращивания инвестиций, без повышения доли накопления, без увеличения объема инвестиций в основной капитал нам очень трудно рассчитывать на что-то в перспективе. Эта доля, как уже констатировалось, скорее, снижается. Даже если сравнивать не с Советским Союзом, а с 2009–2010 годами, то и тогда доля накопления была больше 20% ВВП (21%, может быть, 22%), но не 18 или 19%. И началось это снижение, безусловно, еще до политических потрясений 2014 года, началось оно, как уже здесь говорилось, в 2012–2013 годах. И если сейчас происходит стабилизация по объемам промышленного производства и инвестиций, то, скорее, за счет выполнения государственной бюджетной военной программы, там наблюдается определенное наращивание объемов промышленного производства.

И вот здесь скрыта очередная «ловушка колеи», а не просто наши политические предпочтения или симпатии. Дело в том, что просто наращивание объема инвестиций не решит проблем будущего по одной простой причине: в мире происходит переход от одного технологического уклада к другому. Это единственный пункт, с которым я согласен в идеях Сергея Юрьевича Глазьева. Такие пе-

реходы, безусловно, происходят. От информационного технологического уклада (он далеко не полностью в нашей стране освоен) происходит переход к smart manufacturing, как называют это по-английски, прежде всего в развитых странах, но не только. Вообще, эти центры сосредоточены, скорее, в городах-миллионниках, чем собственно в странах. Там огромный объем медико-биологической проблематики, обработка информации на совершенно ином уровне, не на электронных технологиях, а на связанных опять же с биологией. Огромный объем исследований в этой области происходит. У нас не хватает не просто знаний, не просто технологий, которые, может быть, рано и поздно купит страна, не хватает еще одного – понимания того, как из знаний создавать продукт или услугу.

Сейчас решающая роль принадлежит интеграторам-менеджерам. Они работают чаще всего в рамках либо крупной корпорации, либо проекта стартапа с венчурными компаниями, либо крупного медицинского центра, когда накопленные знания о том, например, что происходит в человеческом организме, можно превратить в услугу, которую вы можете предложить населению. Действительно, сейчас в мире происходит расщепление по такому когда-то казавшемуся совершенно фантастическим принципу – на долгожителей (и долгоживущих) и короткоживущих. Мои сверстники, наверное, читали и помнят роман Ивана Ефремова «Час Быка», там общество делилось на долгоживущих и короткоживущих. Вся часть южнее Средиземного моря, Латинская Америка, значительная часть Азии – это население короткоживущих, у них нет соответствующего медицинского обслуживания, нет соответствующих институтов. В остальной части мира – долгоживущие. Где Россия

себя видит, где мы хотим оказаться? В мире короткоживущих или все-таки в мире долгоживущих?

Да, в России возникнет проблема с миграцией, подобная той, что мы видим сейчас в европейских странах, в Соединенных Штатах. Это все будет происходить. Но это должно совершаться в тех формах, которые приемлемы для нас, для страны с высокой и древней культурой, а не стихийно и не путем неконтролируемых миграций.

В этом плане, мне кажется, у нас наступил непростой период, и важно, чтобы институт, который я с удовольствием поздравляю с 25-летием, вносил свой вклад в исследование этих долгосрочных трендов развития, предлагал ответы на эти вопросы. Сейчас такие центры существуют: это и Высшая школа экономики, и Комитет гражданских инициатив. Дай бог, чтобы была задействована «Программа долгосрочного развития до 2030 года». Правда, надо сказать, что так уж повелось: то, что написано в программах, как правило, воплощается если не с точностью до наоборот, то, по крайней мере, как-то так перпендикулярно, складывается другой вектор. Может быть, все-таки эти госпрограммы удастся настроить не только на благопожелания, но и на определенную реальность, которую мы не можем игнорировать в нашей стране, в том числе и традицию, которая во многом закрепила исторические прорывы на базе милитаристской модернизации. Спасибо.

Ведущий: Большое спасибо. Продвигаясь к завершению этой сессии, перед тем как предоставить слово Евгению Григорьевичу Ясину, хочу сказать о своем наблюдении, которое состоит в том, что наука развивается поколениями. И поколения спорят друг с другом, не могут друг друга ни в чем убедить, а следующее по-

коление просто преодолевает эту дискуссию и спорит уже о чем-то своем. Дискуссия идет не о том, чтобы убедить друг друга, а о том, чтобы убедить тех, кто будет следующим. Надо сказать, что представители поколения, которое старше нас, очень редко нас поддерживали. Было всего несколько человек (их можно сосчитать по пальцам одной руки, может быть, двух, но не больше), которые понимали, что мы делали. И среди них Абел Гезевич, с выступления которого мы начали нашу сессию, и Евгений Григорьевич Ясин, которого я хочу попросить сейчас выступить в ее заключение.

Ясин Евгений Григорьевич,
научный руководитель Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

*«Главным событием конца XX века
в нашей стране были
рыночные реформы»*

Дорогие друзья, я не согласен со многим, что здесь услышал. Но у меня такое ощущение, что никто не говорил глупости, все говорили вещи умные, над которыми стоит размышлять. Здесь, в зале, есть ощущение семьи, где у каждого свое мнение, но есть общее понимание и истории, и будущего своей семьи. История института празднованием 25-летия не заканчивается. Дай бог, у него впереди еще будут славные страницы. Может быть, не такие великие, как реформы, которые начались в 1991–1992 годах. Во мне все-таки живет убеждение, что этот период времени был действительно великим, и его следы будут долго сказываться на истории нашей страны.

Я хочу вспомнить один момент из истории института. В феврале 1990 года я работал на даче в Волынском (что мы там писали, я уже не помню). Вдруг в коридоре перед моей комнатой появляются два знаменитых академика: Абел Гезевич Аганбегян и Станислав Сергеевич Шаталин. Они мне говорят: мы хотим основать Институт экономической политики. Я дословно не помню, именно эти слова они говорили или другие, но смысл был в том, что они хотят основать новый институт, директором которого будет Гайдар. Они спрашивали мое мнение. Я не чувствовал себя человеком, которого о таких вещах спрашивают, поскольку я в таких высоких слоях атмосферы был всего месяцев 5–6, не больше. Но я, конечно, сразу загорелся: да, давайте! И всякий раз, когда от меня что-то зависело в организации института, я всегда говорил: да, давайте, немедленно! И очень скоро институт появился.

Он был некоторым образом формальным началом процесса последующих реформ. Главное, что нам еще предстоит обсуждать и понять: главным событием конца XX века в нашей стране были рыночные реформы. И самый важный факт – то, что они, в сущности, победили. Они привели к тому, что Россия стала страной с рыночной экономикой. Можно сколько угодно дискутировать на эту тему. Все, что здесь говорили мои коллеги, очень умно, есть над чем подумать, о чем поспорить. Но почва, на которой все эти размышления вырастают, свидетельствует о том, что мы уже страна с рыночной экономикой. Наше тогдашнее понимание, не очень распространенное даже среди специалистов, играет чрезвычайно важную роль и сегодня. Мы должны уделить этой проблеме очень большое внимание, потому что сегодня те проблемы, с которыми мы сталкиваемся, – это

все проблемы совершенствования механизмов рыночной экономики.

Я считаю, что у нас две принципиально важные проблемы: первая – реализация принципа верховенства права и вторая – политическая конкуренция. Решение этих проблем важно для эффективного функционирования экономики, для того, чтобы она повысила уровень производительности, и так далее. Убежден, что это рано или поздно будет сделано, хотя среди наших коллег и наших сограждан есть довольно распространенное убеждение, что в России ничего нельзя сделать.

Я – такой неисправимый оптимист и думаю, что можно успеть все сделать. Хочу отметить, что у меня после сегодняшнего разговора еще больше утвердилось мнение, что нас ожидают серьезные перемены.

Последнее: предстоят перемены – кто их будет продолжать? Интересно, что здесь почти все выступающие говорили нечто ценное, и это не то, что присутствует в нынешней политике. Это некая иная картина, некая иная линия, которая в большей степени соответствует идеологии продолжения гайдаровских реформ.

Я еще раз поздравляю моих коллег! Я желаю самых больших успехов, новых дискуссий, новых работ и тех перемен, которых мы ожидаем. Пускай они будут осторожные, пускай они будут продолжаться долго, но они все равно будут.

Пленарная сессия «Институциональные реформы: государство и эволюция»

Ведущий: Кудрин Алексей Леонидович – председатель Попечительского совета Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

В дискуссии приняли участие:

Дарбинян Армен Размирович – премьер-министр Армении (1998–1999), ректор Российско-армянского университета

Набиуллина Эльвира Сахипзадовна – председатель Центрального банка Российской Федерации

Решетников Максим Геннадьевич – министр Правительства г. Москвы, руководитель Департамента экономической политики и развития г. Москвы

Силуанов Антон Германович – министр финансов Российской Федерации

Суринов Александр Евгеньевич – руководитель Федеральной службы государственной статистики

Чубайс Анатолий Борисович – председатель правления ОАО «РОСНАНО»

Шувалов Игорь Иванович – первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации

Ведущий – Кудрин Алексей Леонидович,
председатель Попечительского совета Института
экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Дорогие друзья, мы продолжаем работу нашей конференции, посвященной 25-летию Института Гайдара. Общая тема: «Изучая настоящее, проектируем будущее». На первом пленарном заседании у нас уже звучал серьезный скептицизм относительно сценария развития, в том числе в социальной сфере. Я был потрясен сообщением Ярослава Кузьмина о том, что нас может ждать, если мы не проведем своевременные реформы. «Эффект колее» – постоянно обсуждаемая тема относительно возможности выхода из нее. Многие выступающие отмечали, что пока мало предпосылок к этому. Все завершали свои доклады на оптимистичной ноте, что это обязательно произойдет. И тем не менее перед нами стоят очень серьезные вызовы – как на них отвечать?

Если в первой части много говорилось о макропроблемах и о различных концепциях, которые сегодня обсуждаются, то на нашей сессии я хотел бы все-таки сконцентрироваться больше на теме институтов. Мои коллеги – люди опытные, у каждого из них за плечами, как минимум, министерство или работа на госслужбе, руководство правительством.

В первой части обсуждали, кто работал из присутствующих в Институте Гайдара, кто – нет. Мне повеселилось: с 2010 года я председатель Попечительского совета Института Гайдара и даже сотрудник, поэтому имею отношение к этому празднику. Я хочу поздравить всех сотрудников института, весь коллектив, всех, кто работает с Институтом Гайдара все эти годы над правительственными документами.

Тема нашей небольшой панели звучит так: «Институциональные реформы: государство и эволюция». Я держу в руках книгу Егора Гайдара «Государство и эволюция», в которой он задается таким вопросом: когда наиболее успешен рынок, когда он наиболее эффективен? Он обсуждает известное различие между Востоком и Западом в отношении к частной собственности. Гайдар приводит в качестве успешного примера Древнюю Грецию, когда, как он считает, Запад стал формироваться в тех идеологемах, как мы их сейчас понимаем, когда впервые были сформулированы права частной собственности, ее роль, ее практика. И наоборот, восточные государства – это государства с превалирующей государственной собственностью. Здесь я позволю себе парочку цитат.

В одном месте Егор Тимурович пишет про частную собственность и рынок в государстве восточной деспотии: «Частную собственность, рынок государство терпит, но не более. Они всегда под подозрением, под жестким контролем и опекой всевидящего бюрократического аппарата». Он отмечает эти свойства восточного типа государства, где собственность и власть неразличимы, причем власть первична, а собственность вторична. Далее он пишет: «Во-первых, отсутствуют действенные стимулы для производственной, экономической деятельности. Лишенный гарантий, зависимый, всегда думающий о необходимости дать взятку предприниматель, скорее, займется торговлей, спекуляцией, финансовой аферой или ростовщичеством, т.е. ликвидным, дающим быструю отдачу бизнесом, чем станет вкладывать средства в долговременное дело. Что касается главного собственника – чиновника, то его собственническая позиция является чисто паразитической, а организация сложной экономической деятельности

находится вообще за пределами его компетенции и интересов.

Отсюда застойная, постоянно воспроизводящаяся бедность, отсюда же и необходимость мобилизационной экономики, которая, не имея стимулов к саморазвитию, двигается только волевыми толчками сверху. Движение, которое вечно буксует и, предоставленное само себе, мгновенно замирает».

И дальше: «Во-вторых, крупные переделы собственности становятся практически неизбежными вместе с политическими кризисами, сменами власти – ведь собственность в определенном смысле есть лишь атрибут власти. Получив власть, спешат захватить эквивалентную чину собственность».

Общество делится по его отношению к собственности, и мы до сих пор часто по этому признаку делим. Это в 1994 году Егор Тимурович писал. Сохранилось ли такое различие? Россия строит свою рыночную экономику. История Института Гайдара очень близко связана с этим периодом. Но Запад признал в России рыночную экономику, отразив это в определенных документах, только в начале нулевых – в 2003–2004 годах. Вообще-то нашему рынку, хотя бы базовым основам этого рынка, уже в новой России всего 12–13 лет, а мы предъявляем к нему зачастую требования, как к развитому рынку, складывавшемуся десятилетиями или столетиями. Как нам строить институты сейчас, которые бы соответствовали рыночной эффективности? Россия уже проходила периоды, когда требовалось защищать права бизнеса или права купечества, преобразовывать государственное устройство. Михаил Михайлович Сперанский впервые предложил документы, которые ограничивали права правительства и, вообще, предъявляли какие-то требования к деятельности правительства, т.е. ограничивали

его какими-то рамками. Затем были реформы Александра II, затем Манифест 17 октября 1905 года, который ввел парламентаризм и принципы свободы слова, свободы собраний, права личности.

Какие следующие этапы необходимы для того, чтобы рынок мог существовать? Справедливо ли сказать сегодня, что у нас недостаточно защищаются права собственности, права личности? Что для этого нужно сделать?

Я помню, когда в начале нулевых Дмитрий Николаевич Козак был замглавы администрации президента, он отвечал там за такую работу: президентом были назначены полпреды, которые должны были привести все законодательство субъектов Российской Федерации, конституции республик в соответствие с федеральным российским законодательством. С трудом мы их преобразовывали под законы Российской Федерации. Когда Козак приступил к обязанностям главы аппарата правительства, он просто переписал все положения всех министерств, потому что в каждом министерстве правительством дописывались себе полномочия: что оно может проверять, кого о чем спрашивать, кому выдавать разрешения на какие-то виды деятельности. И мы занимались тем, что вычищали эти положения.

Государство должно быть ограничено теми правами, полномочиями, которые ему даются законом. Учитываем ли мы разграничения полномочий между различными уровнями? Не сращиваются ли они у нас снова где-то, даже под видом частно-государственного (точнее, государственно-частного) партнерства?

Когда мы пришли в правительство, все говорили о том, что должны быть общие правила для бизнеса. Сейчас очень много исключений, причем они зафиксированы в различного рода законах, в различного рода бюд-

жетных документах. Например, такое: давайте выдадим таким-то учреждениям субсидии. Почему они должны получить эту субсидию, в то время как другие такие же институты будут работать в неравных условиях? Когда это оправданно, а когда нет? В общем, об институтах. И в каком положении мы находимся сейчас, что нам еще нужно сделать?

Я хочу апеллировать к нашим участникам, потому что у каждого из них свой опыт. Мне хотелось бы услышать ответы на следующие вопросы: мы вообще уже теряем возможности стать передовой страной? Мы можем опоздать стать конкурентами или можем что-то безвозвратно потерять в этой конкурентной борьбе, возможно даже, какие-то компетенции, свойства нашей экономики, не развив их? Какова роль институтов?

Хотел бы начать с Эльвиры Сахипзадовны Набиуллиной. Пожалуйста.

Набиуллина Эльвира Сахипзадовна,
председатель Центрального банка
Российской Федерации

*«Институт долга у нас лучше защищен,
чем институт собственности»*

Добрый день, дорогие друзья. Я присоединяюсь к поздравлениям Институту Гайдара, его сотрудникам. Желаю им такой же эффективной работы, как и в предыдущие годы.

Итак, по теме об институтах. Я, безусловно, согласна, что частная собственность – важнейший институт рыночной экономики. Но не менее важный институт – конкуренция, о которой мы не всегда вспоминаем. Это базовые институты, о которых мы должны помнить все-

гда и думать об их качестве. Кстати, качество государства и адекватность его функций именно рыночной экономике – это тоже важнейший институт, поэтому мы не должны противопоставлять государство и институты. Действительно, мы предъявляем требования к тому, чтобы эти институты были зрелыми, понимая, что только в зрелых институтах наиболее эффективно может проявиться рыночная мотивация. И, получив некий опыт за прошедшие годы, мы осознаем, что строительство, выращивание или развитие зрелых институтов требуют времени. Мы каждый раз должны соотносить эти институты с тем состоянием экономики, с теми вызовами экономики, которые встречаются в настоящий момент.

Я бы хотела сказать об институтах в финансовой сфере. У нас не было финансового рынка, финансовой сферы, когда началась рыночная экономика, но, оценивая сейчас пройденный путь, очень важно отметить, что финансовая сфера всегда строилась на принципах открытости. Были приняты ключевые решения, на которые, например, не решились многие страны с развивающимися рынками, в том числе по открытию счета капитала. В 2006 году это было одним из ключевых решений, которое создало институциональную среду в финансовой сфере, позволяющую работать на рыночных принципах. У нас оперируют «дочки» иностранных банков, банковское регулирование строится на международных стандартах, мы внедряем наилучшие стандарты – стандарты Базеля. Я считаю, что регулятор банковский работает абсолютно на международных принципах, на которых работают многие регуляторы, поэтому мы очень трепетно относимся к независимости этого института, его нужно беречь. На мой взгляд, это создает основу для благоприятной институциональной среды в

финансовой сфере. Многое еще не сделано – я позже скажу, какие, на мой взгляд, сейчас существуют институциональные вызовы, – но базовые институты и базовые институциональные отношения в финансовой сфере все-таки созданы.

Я считаю, что очень значимый шаг, сопоставимый с либерализацией и снятием ограничений по движению капитала, был сделан в прошлом году с переходом к инфляционному таргетированию и свободному плавающему курсу. Это действительно новый институт, новая среда, в которой будут работать все участники экономической жизни. Безусловно, он будет зрелым и проявит свою эффективность тогда, во-первых, когда мы добьемся цели по снижению инфляции, во-вторых, когда мы сможем управлять и «заякоривать» инфляционные ожидания, как это происходит в странах с уже длительным опытом инфляционного таргетирования, и, в-третьих, когда наша процентная ставка будет реально ключевым индикатором российской политики и ключевым ориентиром для экономических субъектов. Это уже начинает происходить, но, я думаю, чтобы экономические субъекты оценили эти изменения в полной мере, должно пройти определенное время.

Даже сегодня, в достаточно сложных условиях с точки зрения финансового рынка, мы не отказываемся быть частью глобального финансового рынка и строить свою политику и отношения в финансовой сфере на лучших институциональных практиках. Тем не менее есть куда развиваться. Притом что есть институциональные ограничения, можно их иначе назвать структурными.

В финансовой сфере у нас существует перекопс в сторону банковского финансирования. Роль небанковских институтов пока очень слаба. Если, например, активы банковского сектора составляют больше 100% ВВП, то

страховые активы – чуть более 2%, активы негосударственных пенсионных фондов – менее 4%, паевые инвестиционные фонды – чуть более 3%. Это очень маленькие величины, т.е. финансовые институты, кроме банковских, у нас не развиты. Это, безусловно, ограничивает и возможности финансирования экономического роста, и возможности сбережения.

Другая проблема заключается в том, что инвестиционный ресурс – именно длинный ресурс – был внешним ресурсом. У нас нет собственного источника длинных денег, нет внутреннего инвестора. Активы банков, долговое финансирование у нас уже достаточно развиты, но если взять долговую нагрузку на экономику, то она составляет где-то 25–26%, если мерить аннуализированные платежи по долгам, то это уже достаточно высокая по международным меркам величина.

То есть мы сделали упор на долговое финансирование нашего экономического роста, у нас практически нет долевого финансирования и инвестиционного финансирования, причем по некоторым секторам долговая нагрузка и долговое финансирование уже становятся барьером для экономического роста. Мне кажется, что это во многом связано с тем, что институт долга у нас лучше защищен, чем институт собственности. Посмотрите: и судебная защита контрактов, в том числе кредитных, и дисциплина, связанная с выплатой долгов, на очень высоком уровне даже по международным вопросам. Если посмотрим на Doing Business, то по соблюдению контрактов мы на достаточно высокой позиции. Институт долга и долгового финансирования у нас защищен, а институт собственности менее защищен. Может быть, в этом одна из фундаментальных причин, почему у нас есть такой перекоп в сторону долгового и часто краткосрочного финансирования, чем долевого и

инвестиционного финансирования. Конечно, эту ситуацию мы должны поменять, чтобы сбережения, которые не такие низкие в стране, превращались не только в кредиты, но и в инвестиции.

Еще одна проблема, которая существует в финансовой сфере, в банковской сфере, – концентрация собственности. На небольшое число крупных банков, часть из которых с государственной собственностью, но есть и с частной собственностью, приходится большая доля рынка. На мой взгляд, это, конечно, исторически сложившаяся ситуация, мы не можем ее разрешить за один день, но, безусловно, это тот вопрос, который нас беспокоит. Правда, нельзя сказать, что у нас нет конкуренции на банковском рынке. Мы как регулятор очень внимательно относимся к уровню конкуренции. Все-таки есть конкуренция между и крупными банками, и малыми, и средними, но тем не менее такая концентрация собственности исторически должна перейти, на мой взгляд, в более здоровую сферу.

Еще одна тема, которая нас беспокоит, – это уровень долларизации в финансовой сфере. Хотя он не такой высокий, как во многих странах с развивающимися рынками, но и не низкий. Это определяется и сложившимися практиками, привычками и так далее. Это то, что представляет некий вызов, который невозможно разрешить административными методами.

Ведущий: Слово Анатолию Борисовичу Чубайсу.

Вы столько сделали для создания частной собственности в России, в общем-то вы – символ приватизации. Вот такие вопросы. Когда приватизация проводилась, то первая задача виделась в том, чтобы не было обратного пути? Делалось это не так продуманно, как хотелось бы, поскольку не было времени для подготовки? Время бы-

ло решающим фактором, чтобы точно не было возврата к огосударственной системе? А что Вы сейчас думаете? Чего нам сегодня не хватает: приватизации, или защиты частной собственности, или участия государства?

Чубайс Анатолий Борисович,

председатель правления

ОАО «РОСНАНО»

*«Помимо мира “наука” и мира “производство”
есть мир, который называется
“инновационная экономика”»*

Я попробую одно соображение высказать, напрямую отвечая на ваш вопрос, и еще одно соображение – за пределами этого вопроса, но строго в русле того, о чем сейчас говорила Эльвира Сахипзадовна.

Анализируя роль частной собственности в России и находясь в этих бесконечных дискуссиях – больше доля частной собственности, меньше доля частной собственности, – я не хотел бы сейчас погружаться вглубь. А хотел бы призвать нас самих посмотреть на эту проблему в более широком контексте – если хотите, в историко-культурном контексте. Это большой разговор, но его суть состоит вот в чем. Как-то я для себя самого пытался проанализировать, как в России возникала частная собственность, как в России возникали первые состояния Строгановых, Демидовых. И получил очень простой ответ. Строгановы – это монополия на соль, а соль – единственный консервант, уникальный продукт дороже золота, все состояние отсюда – Сольвычегодск, Вологда и так далее. А Демидов, собственно, получил прямой указ Петра I взять Невьянский казенный железодельный завод и приватизировать его.

К чему это я? К тому, что если пытаться взглянуть на соотношение власти и собственности в России в широком историко-культурном контексте и сопоставить его с соотношением власти и собственности на Западе, то мы увидим едва ли не диаметрально противоположные векторы.

Западная классика, как это там называется, – по *taxation without representation* (нет налогов без представительства). Налогоплательщики создают представительную демократию, создают парламент, создают власть, от собственности к власти.

А в России исторически – в прямо противоположном направлении. Петр сказал – заводик, вперед! Кстати говоря, вслед за этим Невьянский завод оказался самым эффективным среди всех казенных заводов. Вслед за этим разрешили строить Демидову новые заводы. Вслед за этим за следующие 50 лет, с 1700 по 1750 год, Россия стала мировым лидером по объему производства железа, обошла Англию, была крупнейшим экспортером железа. Но это другой срез ситуации.

Я хочу призвать нас самих посмотреть на исходный культурный вектор. Когда его проанализируешь, то как-то иначе видишь сегодняшнюю историю под названием «Башнефть» – здесь, «Башнефть» – там». Она немного иначе воспринимается. Таким образом, помимо темы «больше частной собственности – меньше частной собственности», мы не можем не видеть российский историко-культурный срез, который предопределяет очень многое и который мы часто не принимали во внимание, осуществляя собственные реформы.

Ведущий: Мы не поторопились с приватизацией?

Чубайс: Я думаю, что нужно было делать все в этом плане гораздо радикальнее и жестче. Ответ на этот вопрос мне ясен.

Ведущий: Люди же не были готовы, и менеджеры не были готовы управлять этой собственностью. До сих пор она не всегда оказывается эффективной даже в частных руках.

Чубайс: Это правда, но я по-прежнему считаю, что невозможно научиться плавать, не оказавшись в воде. И я по-прежнему считаю, что если можно было бы сделать больше, нужно было сделать больше. И я по-прежнему считаю, что каждый проданный завод в частных руках – это еще один шаг для необратимости преобразований. Мы жили правильно, так и надо было жить, принимая на себя все риски.

И второе соображение применительно к той сфере, которой я сейчас занимаюсь, – к инновационной экономике. Я очень много открыл для себя после того, как был назначен председателем правления ОАО «РОСНАНО», чего не понимал и не знал про инновационную экономику. Пытаюсь ответить на ваш вопрос: государственные институты в этой сфере – что с ними делать? Я понял такую простую вещь. Я занимался экономикой науки еще в советское время, и мы жили все в логике: есть мир под названием «производство», есть мир под названием «наука». И задача состоит в том, чтобы из мира под названием «наука» как-то выпихнуть продукт в мир под названием «производство». Там барьеры всякие преодолеть и через забор перебросить в «производство».

Сейчас же я понимаю, что миров не два, а три. Помимо мира «наука» и мира «производство», есть мир,

который называется «инновационная экономика». Степень его сложности, степень его разнообразия, степень его эшелонированности, объем институтов, которые там функционируют, – законодательных, финансовых, нормативных, культурных – колоссальны! Абсолютно дифференцированные инновации в фармацевтике: это пара миллиардов долларов и 20 лет инноваций, в Интернете – это три миллиона рублей и три месяца. С совершенно разными треками, совсем все разное по отраслям, разные институты на разных уровнях – это самый сложный мир!

Так случилось, что, как правильно сказал Алексей Леонидович, мы только к началу 2000-х годов построили рыночную экономику в России. Потом мы 10 лет жили в логике роста этой самой экономики. Что, собственно, росло-то у нас в нулевые? Рыночная экономика – та самая, из проклятых 1990-х, – она и росла, а не что-то другое. Наконец, исторически получилось так, что только к 2008 году мы дозрели до задачи строительства инновационной экономики. Я глубоко убежден в том, что именно эта инновационная экономика и должна стать новой моделью роста российской экономики, до которой мы никак не доберемся. Почему не доберемся и в чем тут роль институтов?

Если посмотреть шире на мир, то страновые инновационные модели – это история второй половины XX и XXI века. Если посмотреть даже на страны-лидеры, то строительство страновой инновационной модели идет минимум 20 лет. Если, как справедливо говорит Алексей Леонидович, у нас рыночная экономика существует 10–12 лет, то уж инновационная экономическая модель – вообще 5–6 лет. Три года назад на месте «Сколково» было капустное поле. В этой сфере нужны самые сложные институты, которые необходимо строить.

Вот Эльвира Сахипзадовна справедливо говорит о том, что у нас небанковские финансовые институты недоразвиты, что долговое финансирование более развито, чем недолговое. Какова альтернатива, какие институты здесь есть?

Это, конечно, прежде всего private equity индустрия, индустрия альтернативных финансов, которая сегодня по размеру активов в мире больше, чем банковская. Она уже не alternative, она уже primary. Так вот эта индустрия является ведущим инструментом инвестиций в инновационную сферу. Что такое венчурный фонд? Это и есть private equity фонд. Слава богу, в прошлом году мы разработали первый в России закон об инвесторствах. Это первый кирпичик в здании института небанковского финансирования, финансирования в equity, в капитал, а не в долг. Первые российские private equity фонды в российском законодательстве возникают в 2015 году, мы сейчас находимся на самой ранней стадии.

Это означает, что общий вектор развития – конечно, на уход государства, на усиление конкуренции, на независимую судебную систему. Без этих фундаментальных «лекарств» никакого роста у нас не будет, кроме полупроцентного. Но при всем при этом необходимо видеть картину в объеме и осознавать, что в таком блоке, как инновационная экономика, скорее всего, вектор в чем-то обратный. Нам надо здесь строить сложнейшие, в том числе государственные, институты, без которых инновационная экономика не возникла ни в одной стране мира, даже в Силиконовой долине. Получается, что при общем векторе на уход государства, в инновационной экономике в силу нашего исторического этапа нам, скорее, нужно осознавать, правильно выращивать и развивать вектор под названием «строительство», в том

числе строительство важнейших государственных институтов.

Ведущий: Спасибо. Антон Германович, каких Вам институтов не хватает?

Силуанов Антон Германович,
министр финансов Российской Федерации

*«Надо проводить уже структурные,
а не институциональные реформы»*

Поскольку мне ближе бюджет, финансы государства, я хотел бы про эту институциональную проблему пару слов сказать.

Роль государства в части перераспределительных процессов в экономике – один из важнейших институтов, влияющих на структуру экономики, на ресурсы, которые работают на развитие экономики. От того, какова доля государства в перераспределении валового внутреннего продукта, во многом зависит и уровень экономического развития страны. Мы знаем несколько моделей – например, шведская модель или модель азиатских стран, где абсолютно противоположные доли участия государства в экономике. Мы видим, что вторая группа стран имеет более динамичное развитие, когда меньше ресурсов перераспределяется через государственные институты, через государственный бюджет, через бюджетную систему, больше остается в экономике. И эти ресурсы там работают. Поэтому мы говорим, что лучше иметь большие расходы, субсидировать отрасли, субсидировать какие-то направления бюджетные, и тогда мы добьемся положительных результатов. Но на самом деле мы должны, наоборот, говорить о том, чтобы больше

средств оставалось именно у хозяйствующих субъектов, именно в экономике, а не направлялось через государственный бюджет. Действительно, есть европейские страны, та же самая Швеция, где значительный объем ВВП перераспределяется через государство, через государственный бюджет. Но тогда необходимы очень сильный, серьезный контроль за эффективностью этих расходов, целеполагание, отслеживание результатов. К сожалению, мы только к этому подходим.

Хочу напомнить несколько цифр. Еще до кризиса у нас через федеральный бюджет перераспределялось менее 16% ВВП, а через государственный бюджет – около 31% ВВП, сейчас же через государственный бюджет – соответственно 40%, а через федеральный бюджет – 21%. И что мы видим? В период 2004–2006 годов, когда бюджет составлял относительно небольшую долю, темпы роста были 5–7%.

Нам не надо бояться отказываться от ряда расходов. Наоборот, следует проводить уже структурные, а не институциональные реформы с точки зрения реформирования пенсионной системы и снижения доли государства, т.е. и государственного бюджета, и бюджета Пенсионного фонда. Нам не надо бояться отказываться от ряда субсидий экономике. Мы все время думаем, что без этих субсидий экономика не выживет, потому что эти средства в основном направлены на субсидирование процентных ставок. Если мы снизим инфляцию, уровень дефицита, уровень процентных ставок, то никаких субсидий просто не понадобится. Нам не надо бояться переходить на адресную социальную помощь, снижать здесь расходы. Мы видим, что в долгосрочной перспективе нам нужно это делать. Если мы к этому не будем двигаться, то не сможем профинансировать те объемы обязательств, которые сейчас имеем. Нам следует про-

двигаться вперед, чтобы освободить от бремени уплаты платежей, налогов через государственный бюджет, через бюджетную систему наш бизнес, который оставляет там ресурсы. И только таким образом мы можем подстегнуть экономику к росту. Мы, т.е. Министерство финансов, на это нацелены, на это у нас нацелена и бюджетная политика с тем, чтобы снижать перераспределительные процессы через государственный бюджет, оставляя больше в экономике. Считаю, что это один из ключевых, базовых институтов.

Ведущий: Антон Германович, я еще раз повторю эту цифру. Вы сказали, сколько сейчас перераспределяется через так называемый бюджет расширенного правительства – это федеральный, консолидированный субъектов и все государственные внебюджетные фонды, включая пенсионный, страховой, ОМС. Сейчас суммарное перераспределение 40% – так?

Силуанов: Да.

Ведущий: Было сколько?

Силуанов: В 2006 году был 31%.

Ведущий: То есть мы нарастили за эти годы перераспределение.

Силуанов: На 9%.

Ведущий: И Вы говорите: нужно больше оставлять в экономике. Все, как правило, критикуют Минфин за то, что Минфин вносит предложения по увеличению налоговой нагрузки. То есть это не предложения Минфина

по увеличению нагрузки на нефтяников, страховые взносы в Пенсионный фонд или другие? Какова роль Минфина, если Вы выступаете за то, чтобы уменьшать там нагрузку?

Силуанов: Мы видим проблемы балансировки бюджетной системы и видим, что балансировка невозможна без того, чтобы не отказаться от части неэффективных расходов или от расходов, которые необходимо перераспределять более адресно по нуждаемости. Это первое.

Ведущий: Другими словами, вы хотите сказать: если мы не пересматриваем решения по пенсионной системе, если мы не пересматриваем оборонный бюджет, если мы не пересматриваем другие обязательства в субъектах, то вынужденно возникает разрыв, который требует увеличения налогов. Значит, чтобы его уменьшать и не повышать налоги, нужно принимать другие структурные решения, которые смягчили бы налоговое бремя.

Силуанов: Совершенно верно. Дело в том, что если мы не будем это делать, то в будущем будем иметь бюджетный дефицит более 5% ВВП. А это значит, что ресурсы из экономики будем аккумулировать в бюджете и перераспределять их в основном на текущие нужды, текущие потребности. Такая модель просто не работает. Такая модель не сможет привести нашу страну к более высоким темпам роста, которые были до 2008 года, когда и уровень перераспределения через бюджет был низкий, и профицит бюджета был около 5–7%. Сейчас коллеги из Думы критикуют нас за то, что мы опять выступаем за централизацию части нефтегазовых доходов в резервных фондах, мы не хотим их тратить на нашу

экономику. Мы тогда формировали огромные резервные фонды за счет незаработанных, по сути, конъюнктурных расходов, и именно тогда российская экономика росла наиболее высокими темпами. Сейчас мы, наоборот, тратим эти средства, но роста нет. Рост будет тогда, когда больше средств будет оставаться у хозяйствующих субъектов и меньше будет централизоваться, перераспределяться через бюджетную систему, зачастую не столь эффективно, как нам хотелось бы.

Ведущий: Спасибо. Сейчас я хочу предоставить слово нашему гостю из Армении – Армену Размиковичу Дарбиняну, который, как я уже сказал, был там премьер-министром. Пожалуйста, что Вы думаете об институтах? Может быть, у Вас есть свой опыт?

Дарбинян Армен Размикович,
премьер-министр Армении
в 1998–1999 годах, ректор
Российско-армянского университета

*«Догоняющее развитие ни в коем случае
не может быть ориентиром
для наших экономик»*

Уважаемые коллеги, добрый день. Мне трудно ощущать себя в гостях в Москве, я выпускник Московского университета.

Я бы предложил посмотреть на проблему эволюции институтов, государства, общества во временном контексте и скажу, что время, в котором мы сегодня присутствуем, принципиально, кардинально отличается от того времени, в котором жил и творил Гайдар. Напомню, что его главная книга называется «Долгое время», и

приведу 7 тезисов, которые подтверждают то, о чем я только что сказал: мы живем в принципиально другое время.

Тезис первый: о начале 1990-х годов Гайдар писал: «Общество уже ушло туда, где еще нет государства». Так вот, сегодняшняя ситуация такова, что государство ушло намного вперед общества. Доля государственного сектора за все это время стремительно возросла. Государственные банки уже открыто признаются в бессмысленности финансирования малого и среднего бизнеса. Территория свободной мысли, кажется, суживается до пространства той самой кухни советского времени. Доля военных расходов увеличивается за счет гражданского сектора. Идеология мобилизации против общего врага постепенно становится доминирующей. Карающие функции государства, кажется, развиваются гораздо сильнее и эффективнее, чем функции социальной защиты и развития социального капитала. Сегодня государство уже ушло туда, где еще, к сожалению, нет общества.

Второй тезис: важнейшим результатом трансформации 1990-х годов Гайдар считал возвращение России в современный мир, имея в виду в данном случае европейский контекст, и особенно подчеркивал консенсус элит по поводу целеполагания – движения в направлении Европы. Сегодняшние элиты выбрали движение в сторону Евразии – это принципиально новый выбор, при котором мы все пытаемся создать собственный полюс притяжения. Установка, согласитесь, кардинально отличается от той, которая была раньше.

Тезис третий: Гайдар считал, что сущность происходящей трансформации заключается в формировании социально-экономических основ постиндустриального общества. Надо сказать, что за все эти 25 лет трансфор-

мации мы так и не почувствовали: мы зашли в тупик под названием «постиндустриальное общество» или мы его не заметили. Во всяком случае, мы все сегодня стоим перед необходимостью новой индустриализации, инновационной индустриализации – той, о которой сказал здесь Анатолий Борисович Чубайс.

Тезис четвертый: Гайдар относил страны «новой демократии» к странам догоняющего развития. В итоге мы мало кого догнали, а догоняющее развитие сегодня принципиально не может быть приоритетом для какой-либо из стран переходного периода, потому что нам опять же нужно развитие в сторону инноваций. Анатолий Борисович назвал срок в 20 лет – наверное, для России это нормальный срок. Я хочу сказать, что объем экспорта программного продукта, например, сегодня в Армении конкурирует с объемом экспорта металлургической промышленности, и мы этого достигли лет за 10, наверное, никак не за 20. Пожалуй, размеры здесь говорят в пользу более маленькой страны.

Тезис пятый: Гайдар считал, что вслед за восстановительным развитием идет развитие инвестиционное. При этом, конечно, наши взоры в начале 1990-х и в нулевых годах были обращены большей частью на Запад. Сегодня ситуация кардинально другая. Вчера, сегодня мы видели, как в Лондоне радовались китайским инвестициям. Мы видим, как сегодня Китай начинает занимать доминирующую позицию в мировой экономике с точки зрения источника инвестиций. И даже наша Армения для финансирования важнейших инфраструктурных проектов, например, железной дороги Иран – Армения, рассчитывает на китайские ресурсы.

Тезис шестой: Гайдар полагал, что импорт европейских институтов – правильный путь развития для обеспечения устойчивого экономического роста. На практи-

ке мы видим, что недооценка роли традиций и норм социального поведения нередко приводит к отторжению импортируемых институтов. Приведу пример из собственной практики. Мы создали прекрасное законодательство о фондовых рынках и фондовых биржах, пригласили NASDAQ OMX для управления нашей армянской фондовой биржей, однако в Армении как не было фондового рынка, так и нет, как не было ни одного IPO, так и нет.

И наконец, тезис седьмой: наибольшего значения, писал Гайдар, экономический рост достигает в период внедрения и развития демократических институтов и парламентаризма. Мы видим ситуацию абсолютно обратную: наибольший экономический рост в наших странах, практически во всех странах «новой демократии», происходил в период усиления авторитаризма. Если этот авторитаризм включал просвещенческий элемент, т.е. акцент был сделан на развитие системы образования, системы технологий, системы инновационной экономики, то мы видим, что в нулевые годы был достигнут эффект, который было бы неправильно, с моей точки зрения, связывать только с позитивной динамикой мировых цен на энергоносители.

Выводы, которые я предлагаю зафиксировать, основаны на нашей недавней истории, а также навеяны размышлениями Гайдара.

Первое. Сегодня нам, скорее всего, стоит задуматься не об импорте институтов, которых мы наимпортировали уже вдоволь, а об импорте, о трансфере новых технологий, о развитии инновационной институциональной экономики. Это в подавляющем большинстве наших стран сегодня, мне кажется, главный приоритет.

Второе. В своем движении в сторону евразийской интеграции мы ни в коем случае не должны допустить за-

мыкания системы. Мы должны попытаться создать открытую систему, иначе просто повторим совершенно губительный опыт СССР, замкнутый и не располагающий к инновационному развитию экономики.

Третье. Сегодня нам следует ориентироваться на новую индустриализацию и на технологический прорыв. Догоняющее развитие ни в коем случае не может быть ориентиром для наших экономик.

Четвертое. Сегодня одной из самых главных функций государства должна стать генерация и внедрение эффективных инновационных институтов. Это то, в чем мы действительно нуждаемся.

Пятое. Экономический рост должен обязательно сопровождаться социальным прогрессом. И как раз ориентация на технологический прорыв поможет в решении этой задачи, потому что более образованное общество, конечно, будет предъявлять к государству более высокие требования.

И последнее, о чем я хотел сказать: Гайдар предупреждал нас о крайней опасности деинтеллектуализации политической элиты. Мне кажется, что нам надо помнить об этом всегда. Поэтому, отвечая на ваш вопрос, Алексей Леонидович, по поводу того, какие институты стоило бы сегодня развивать в первую очередь, я отвечу так: политические партии и парламентаризм.

Ведущий: Сейчас я хочу предоставить слово Решетникову Максиму Геннадьевичу. Вы раньше работали на уровне федерального правительства, теперь Вы в регионе. У нас не происходит снова централизация полномочий? Какие Вам нужны институты, полномочия, чтобы субъект был успешным? В Москве Вы отвечаете за прогноз, за стратегию развития Москвы.

Решетников Максим Геннадьевич,
министр Правительства г. Москвы,
руководитель Департамента
экономической политики
и развития г. Москвы

*«Мы все ожидаем от наших
институтов качества “Мерседеса”,
но платить готовы только
за поддержанную иномарку»*

Что такое институты сегодня? И какие задачи перед ними стоят? На мой взгляд, сегодня основная задача институтов – вопросы администрирования. У нас очень часто создание института заканчивается на этапе принятия федерального закона и, соответственно, раздачи поручений субъектам по его внедрению. Однако вопросы, связанные с администрированием, с технологиями, с организационными аспектами, остаются за кадром. Приведу один пример.

Спасибо большое нашим коллегам – дали субъектам полномочия переходить к налогообложению имущества организаций от кадастровой стоимости, т.е. от его рыночной стоимости. Казалось бы, действительно, институт частной собственности в стране создан, создан кадастр, создан единый государственный реестр прав. Казалось бы, бери оттуда информацию – налоговая система это умеет. Дальше берется декларация налогоплательщика, сравнивается одно с другим – и вот вполне понятный и прозрачный налог. Как его собирать, тоже понятно.

Но что в результате получается? Получилось, что от того налогового потенциала, на который мы рассчитывали, только треть денег поступила. Иными словами,

только в трети случаев может быть использован такой алгоритм: действительно существует запись о том, что есть объект, он такого-то назначения, у него есть кадастровая стоимость, на этот объект есть права (информация есть в ЕГРП), налогоплательщик задекларировал этот объект, и мы получили налоги. Это 30% случаев – одна треть, чуть больше. Другая треть – это когда налогоплательщик сам задекларировал объект, но либо в реестре прав нет прав налогоплательщика на данный объект, либо сам объект не описан в кадастре по разным причинам. И еще в трети случаев просто нет ничего: и налогоплательщик ничего не зарегистрировал, и мы не знаем, что с этим объектом делается, кому он принадлежит, а в ряде случаев не понимаем до конца, есть ли он вообще. Хорошо это или плохо? С одной стороны, вроде не очень хорошо. С другой стороны, с учетом того что нашим институтам 10 лет, и регистрация прав у нас имеет добровольный характер, треть случаев – очень неплохой результат.

Что нужно делать дальше? Мы уже два года внедряем эту систему. Мы – Федеральная налоговая служба, Росреестр – сидим и разбираем все объекты, разбираем порядок ведения кадастра. Очевидно, что его надо усовершенствовать. У нас есть случаи, когда земельный участок не привязан к объекту недвижимости, объект недвижимости как здание не распадается на помещения, которые в нем есть. Или у нас есть помещения без зданий, есть здания без помещений, есть здания, где площадь помещений в два раза больше, чем площадь здания. И так далее...

Тем самым вопрос администрирования и технологии этого процесса на сегодняшний момент является одним из ключевых. Мы прекрасно понимаем, что состояние кадастра, реестра прав и так далее – это реали-

зация того института частной собственности, о котором мы все говорим, как будто он состоялся. На самом деле нам еще предстоит очень многое сделать для того, чтобы он состоялся.

Когда мы говорим об администрировании и о технологиях, вопрос, который сразу возникает, – о состоянии государственного управления и состоянии государственного аппарата. Мы все ожидаем от наших институтов качества «Мерседеса», но платить почему-то готовы только за подержанную иномарку. У нас ведь любая оптимизация бюджетных расходов начинается с сокращения расходов на государственный аппарат. Мы недопустимо мало вкладываем в технологии администрирования, мы недопустимо мало вкладываем в информационные технологии, чтобы получить качественные, хорошие технологии администрирования. Сейчас правительство Москвы активно взаимодействует с нашими коллегами на федеральном уровне. Им за это огромное спасибо!

Мы пытаемся быть пилотом, поскольку у нас есть не только финансовые, но и управленческие, и технологические ресурсы. Мы, конечно, обкатываем все эти инструменты. В то же время мы понимаем, что у многих наших коллег – у Росреестра, у Федеральной налоговой службы – до конца может не хватить ресурсов, чтобы потом это оттиражировать на всю территорию страны. С этой точки зрения важно именно администрирование в первую очередь в такой сфере, как собственность, кадастровая оценка, кадастр как таковой, регистрация прав, налогообложение. Налогом на имущество мы создаем не только очень мощный инструмент в регистрации собственности и вовлечении активов в оборот, но и очень мощный инструмент, мотивирующий всех на использование этой собственности. Еще раз хотелось бы

подчеркнуть, что институты, действительно, нельзя импортировать, их можно только вырастить. Но как раз администрирование и технологии – это способ выращивания институтов.

Ведущий: Александр Евгеньевич Суринов, Ваше мнение: каких институтов нам сейчас не хватает? На чем надо сконцентрироваться?

Суринов Александр Евгеньевич,
руководитель Федеральной службы
государственной статистики

*«Вы задали вопрос: какой должен
быть размер государства, –
я отвечаю вам: а как мерить?»*

Я представляю здесь официальную статистику России и хотел бы поговорить об этом институте. Правда, в документах ООН мы называемся не институтом, а «необходимым элементом современного информационного общества». Должен сказать, такое отношение к официальной статистике возникло не вчера. Еще в 1828 году в стенах Московского государственного университета доцентом кафедры истории статистики была прочитана лекция, в которой он назвал официальную статистику необходимым элементом гражданского общества. Поэтому мой респект тем, кто выпускался из МГУ, тем, кто преподавал и преподает в МГУ, вас учили правильно и 200 лет назад. Это звучит современно и сейчас.

Почему я говорю об этом? Потому что когда вы задали вопрос: какой должен быть размер государства, – я отвечаю вам, хотя это неэтично, тем не менее: а как мерить? Как мы меряем общественный процесс? Если мы

говорим об экономическом процессе, то у нас есть некое руководство ООН, мы его реализуем – это Система национальных счетов. В течение 2–3 лет мы, наверное, резко сократим объем бюджета в долях ВВП, поскольку внесем несколько изменений, которые увеличат номинально ВВП примерно на 7–10%. Это обязательно нужно сделать, потому что все страны – не только члены ОЭСР, но уже и наши партнеры по БРИКС – это уже реализовали, на подходе коллеги из Армении. Мы будем учитывать различные новые элементы. Они не вполне рыночные, тем не менее это часть добавленной стоимости, которая создается экономикой страны. Что это такое? Это, например, условная жилая рента, которую получает владелец от проживания в собственном жилище. В России доля этой ренты составляет 7% ВВП.

Что еще? Меняется отношение к военным расходам. Военные расходы теперь будут рассматриваться – и многие страны уже пришли к этому – как основной капитал. То есть расходы на вооружение длительного пользования – это основной капитал, а одноразового пользования – это, грубо говоря, оборотные средства.

Ведущий: То есть у нас должны расти инвестиции сейчас, по статистике?

Суринов: Сегодня – нет, сегодня это потребление.

Ведущий: Еще не перешли на это?

Суринов: Нет, мы пока это готовим. Но это уже сделали наши коллеги из США, Бразилии, Австралии, из многих стран Европейского союза. И мы не можем не считать так, как они, потому что мы – страна, живущая в этом мире, и мы должны реализовывать те руковод-

ства, которые позволяют правильно мерить общественный процесс, в частности экономику. То же отношение и к расходам на научные исследования и разработки. Это тоже капитализация. Вот пример, может быть, он не покажется смешным для тех, кто хорошо владеет бухгалтерским учетом: расходы на разведку полезных ископаемых есть затраты на основной капитал. То же самое – на нефть. Эти все добавки приведут к увеличению номинального ВВП. Что за этим стоит? За этим стоит реальное сокращение доли государства в экономике или просто изменение классификации? Мы должны все это понять и принять. Есть ряд других изменений, которые связаны с некоей модернизацией собственно статистических наблюдений.

Другой вопрос, не менее важный с точки зрения государства, связан с тем, что в последнее время усиливается роль статистики, измеряющей социальный процесс. Пытаются сделать так, чтобы статистика ответила на вопрос: что происходит в экономике с позиций конкретного человека, семьи или домохозяйства? Как эта семья или эта социальная группа взаимодействует с разными государственными институтами, с бизнесом, с другими институтами гражданского общества?

Этот процесс длится уже довольно давно. Апогей – это 2008 год, когда лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц, возглавляя комиссию по измерению экономического роста и социального прогресса, подготовил доклад по заданию тогдашнего президента Франции Николя Саркози. И вот с 2008 года эта статистика периодически собирается и обсуждается. Стиглиц подверг сомнению, правильно ли мы измеряем экономический рост через ВВП. Ведь ВВП – плохой показатель. Он приводит такие смешные примеры: пробки в стране – автомобили жгут бензин, соответственно у водителей –

увеличенный спрос на бензин, это сигнал для промышленности – растет производство бензина, а толку нет, только ухудшается экология. Каким показателем мерить социальный прогресс? Это первое.

И второе: все выше требования по дифференцированному представлению данных, потому что восприятие официальной статистики – не только нашей – довольно негативно. В США несколько лет назад Сенатом была создана комиссия, которая разбирала, как им казалось, неправильно рассчитываемый индекс потребительских цен в США. Нанимали «профи» из Ассоциации независимых астрономов, математиков и статистиков. Да, действительно неправильно. Оказывается, статистики систематически занижают индекс потребительских цен.

Это современные вызовы с точки зрения представления данных. Это вызов, который предполагает предоставление не только дифференцированных данных в среднем, но и данных по отдельным группам.

ОЭСР уже лет 20 реализует проект и лет 5 публикует прекрасный доклад «How's Life?». Это информация о жизни людей в разных странах. Россия – не член ОЭСР, но мы очень гордимся тем, что информация о России есть, правда, фрагментарная в силу разных причин. Но по 2015 году информация о жизни людей, обрабатываемая сегодня Росстатом, есть – это где-то полтора миллиона респондентов. Закон больших чисел работает на таких массивах данных очень неплохо.

С точки зрения статистики очень важно понять, что мы измеряем. Для нас важен запрос от вас, от разработчиков политики, с тем, чтобы мы могли сформировать механизм, позволяющий ответить на ваши вопросы и отмониторить ситуацию, спрогнозировать ее.

Ведущий: Вы затронули очень интересный аспект. Без статистики, без открытости, без методик, измеряющих соответствующие процессы, нам очень сложно определить, где с точки зрения институтов мы находимся, какие они. Это очень важно, и я потом еще вернусь к этому вопросу. Сейчас у меня есть возможность пройти по второму кругу, но здесь уже я буду задавать вопросы.

Эльвира Сахипзадовна, мы строим институты рынка, мы идем к ним, тем не менее самый острый дефицитный ресурс сегодня – инвестиции. В первой части нашего обсуждения мы говорили о том, что нужны инвестиции, что доклад Столыпинского клуба или наши доклады сходятся на том, что сейчас главный вызов – это наращивание инвестиций. У нас они были 21–22% в предыдущие годы, в Программе концепции долгосрочного развития поставили задачу до 25% довести, сейчас же они упали до 18%. Китай 40% дает и наращивает свой рост. А как нам это сделать? Как нам с недостроенными институтами обеспечить это доверие, качество институтов, которые еще не защищают права собственности? А рост-то нам нужен для модернизации. Как совместить эти противоречивые вопросы? Обращаюсь к Центральному банку...

Набиуллина: Я поняла, институтов нет, дайте дешевые деньги Центрального банка.

Ведущий: Да, может быть, у вас есть?

Набиуллина: У нас-то, конечно, есть, только после этого у нас у всех будут большая инфляция, отток капитала и иные «приятные» последствия.

Ведущий: Тогда в чем выход?

Набиуллина: На мой взгляд, падение инвестиций не является следствием отсутствия дешевых денег, и, наоборот, дешевые деньги, конечно, не приведут к росту инвестиций. Это очевидно. Я не устаю приводить этот пример – посмотрите: у нас в первом полугодии прибыль экономики выросла на 40%. Это те средства, которые есть у предприятий, которые они вполне могут вкладывать в новые производства, причем не надо платить высокие процентные ставки. Но почему-то не вкладывают. Мне кажется, этот своеобразный тест показывает, что инвестиции – это не функция от наличия дешевого кредита. Это действительно вопрос доверия.

На мой взгляд, доверие может быть и при не очень зрелых институтах. Есть страны, в которых большой рост инвестиций, но нельзя сказать, что у них работают какие-то зрелые институты. Мне кажется, и люди, и инвесторы понимают и принимают, что строительство, или выращивание, или развитие институтов – длительный процесс. Но для доверия нужны, конечно, базовые вещи, о которых мы говорили: защита частной собственности, справедливая конкуренция, когда прибыль является следствием того, что ты лучше организовал производство, у тебя высокая производительность труда, а не того, что ты имеешь доступ к административному ресурсу. У нас же это есть, и пока это будет, конечно, рост частных инвестиций будет сдерживаться. Тем не менее нельзя сказать, что у нас нет частных инвестиций, они есть, предприниматели находят ниши. И когда говорят, что российские люди не очень предпринимательски мотивированы, это неправда. Мы видим, что есть и предприниматели. Должны быть и государственные инвестиции, одно другому не противоречит,

потому что есть ниши, где только государство может инвестировать.

Ведущий: В нулевые годы государственные инвестиции держались на уровне примерно 20% общего объема инвестиций, конечно, если считать и «Газпром», и «Роснефть».

Набиуллина: Насколько я помню, инвестиции из федерального бюджета тогда составляли около 3,5% ВВП, сейчас меньше. Но главный вопрос даже не в их размере, а в их эффективности, насколько они являются мультипликатором для частных инвестиций, поскольку то, что называется государственными инвестициями, часто имеет не очень производительный характер.

Мне кажется, здесь нельзя сказать: примите одну меру, снизьте налоги или сделайте инвестиционный вычет, и у нас пойдут инвестиции. К сожалению, процесс создания доверия – длительный и очень непростой процесс. Если предприниматели видят, что бюджет долгосрочный, но несбалансированный, они понимают, что через несколько лет могут увеличить налоги. Эти риски тоже надо снимать. Главное – не делать неправильных вещей, ведь у нас их много, и список их немалый. Я считаю, что деятельность по созданию инвестиционного климата – это многогранная и трудоемкая работа.

Ведущий: У нас даже сбережения не конвертируются в инвестиции, а это значит, что существует проблема не ресурсов как таковых, а доверия и тех рисков, которые есть у инвесторов. Улюкаев сегодня тоже об этом говорил. Получается, что у нас сохраняется отток капитала, который свидетельствует о том, что мы как раз не используем здесь ресурсы.

Набиуллина: Отток капитала сейчас вызван в основном выплатой по внешним долгам, а не наращиванием иностранных активов. Здесь ситуация несколько отличается, если говорить справедливо, от того, что было раньше, потому что раньше у нас действительно бизнес и граждане очень активно приобретали иностранные активы. Сейчас же отток капитала у нас идет через сокращение иностранных обязательств.

Ведущий: Сейчас мы должны как-то адаптироваться к новой ситуации санкций или ограничений кредитования российских компаний из-за рубежа, таким образом, мы пройдем этот период некоей стабилизации внешнего долга на каком-то другом, более низком уровне, и у нас отток сократится. Я так понимаю.

Набиуллина: Я надеюсь, что да, сократится отток, и все-таки постепенно инвестиционная привлекательность будет расти. Но это работа по многим направлениям сразу.

Ведущий: Анатолий Борисович, Вы сказали о роли государства в становлении инновационных институтов. Действительно, сейчас перед Россией серьезный вызов создания инновационных институтов, потому что мы или будем формировать конкурентоспособную высокую добавленную стоимость, или успокоимся на менее высоких технологиях и будем проигрывать в конкурентной борьбе. Тем не менее вопрос: вы целенаправленно выращиваете частные институты или все-таки у них есть возможность самим тоже что-то сделать? Например, Россия вкладывает в науку и в инновации больше государственных ресурсов, чем Япония или Великобри-

тания. Но частный сектор в Великобритании и Японии вкладывает больше, чем государство, в 4 раза, а в России – меньше, чем наше государство. Почему не вкладывают наши госкорпорации? Вроде бы это то, о чем Вы говорите: государство может расписать себе задачи, через госкорпорации усилить инновационные подходы, какие-то прорывы даже обеспечивать, деньги же не требуют быстрой окупаемости, пока они квазигосударственные. Почему этого не происходит?

Чубайс: Я попробую дать ответ исходя из нашего опыта. Абсолютно согласен с тезисом о том, что на самом деле, как это ни парадоксально, не только объем, но и доля государственных инвестиций в науку в ВВП в России сопоставима с наиболее передовыми странами мира. А доля общего объема инвестиций в науку в ВВП в России находится где-то, боюсь ошибиться, на 50–60-м месте. Базовая причина – отсутствие частных инвестиций в НИОКР.

А теперь наш пример. Компания «РОСНАНО» на заре своего существования получила государственные деньги, без которых она бы вообще не возникла: 130 миллиардов рублей – в капитал плюс 180 миллиардов – госгарантии. В этом году мы ожидаем объем производства созданных нами компаний на уровне 300 миллиардов рублей. В этом году мы ожидаем, что эти компании, которые нами созданы, проинвестируют в науку из собственных средств не менее 25 миллиардов рублей. То есть 25 миллиардов рублей – это нового качества инвестиции в науку, осуществляемые частными компаниями. Кстати говоря, все созданные нами компании – компании с частным контролем. Мы являемся там миноритарными акционерами, а есть мажоритарный частный собственник.

Таким образом, государство запустило процесс, а если бы оно его не запускало, ничего бы не произошло. Запустив этот процесс, государство сделало возможным появление того частного бизнеса, который инвестирует в науку. 60 миллиардов государство вкладывает в науку, 20 миллиардов начал вкладывать частный бизнес, изменяя эту самую пропорцию. Для того чтобы это произошло, нужно было 8 лет назад принять решение при вашей поддержке, Алексей Леонидович, о финансировании в размере 130 миллиардов из бюджета. Это же воспроизводящийся процесс, очень длинные и сложные циклы.

Ведущий: Я долго упирался.

Чубайс: Да, вы долго упирались, но инноваторы победили. Это означает, что в этой самой инновационной сфере действует тот самый принцип, о котором я уже говорил: без государственного старта, в том числе и в финансовой компоненте, чрезвычайно трудно. И результат от него нужно ждать 6, 8, 10, 15 лет.

Ведущий: Но почему тогда госкорпорация «Ростехнологии» не генерирует инвестиции в инновации в такой же степени, как аналогичные компании за рубежом? Не буду брать «Ростехнологии», но подобные какие-то госструктуры или квазигосструктуры – почему они не чувствуют этого веления времени?

Чубайс: Потому что есть фундаментальные провалы в российской рыночной экономике, уже много раз названные здесь. Один из них называется «слабая защита частной собственности», другой – «недостаточный

уровень конкуренции», третий – «отсутствие независимого суда» и так далее, и так далее.

Надо понимать: как бы государство ни вкачивало средства, что бы оно ни создавало типа «РОСНАНО», существуют фундаментальные основы. Если они слабы, значит, ты все равно будешь бултыхаться на этой нетвердой почве. Что у нас и происходит.

Ведущий: Критики – в том числе подходов, которые сейчас использует правительство, – говорят: раз уж так получилось, что не создали условий с понижением рисков, с защитой частной собственности, давайте тогда существенно усилим государственные инвестиции, распишем их, просто от количества государственных средств сегодня зависит судьба инноваций.

Чубайс: На этом этапе мы уже не сможем радикально нарастить объем инновационной экономики. Основы созданы, продолжать следует, радикально наращивать не надо. Радикально нужно наращивать фундамент, который слабоват.

Ведущий: Антон Германович, к Вам вопрос: пока не достроены институты, пока их формирование идет вяло – то ли политической воли не хватает, то ли опыта, то ли компетенции по достройке этих институтов либо какие-то другие обстоятельства – что делать? Может быть, действительно государство должно инвестировать большую часть? Вы говорите: нет, государство должно постепенно уходить, давать больше простора. Как сейчас, в период кризиса, действовать?

Вы внесли на рассмотрение проект бюджета. Там, если я не ошибаюсь, субсидии экономике немного увеличиваются. А, например, в образование, здравоохра-

нение – чуть-чуть снижаются. Что это? Кризисное отступление? Когда мы снова вернемся к наращиванию возможностей финансирования человеческого капитала, инфраструктуры?

Силуанов: Действительно, мы внесли на рассмотрение проект бюджета, сегодня как раз правительство вносит его в Государственную Думу. Хочу сказать, что проект основан на тех параметрах, которые мы закладывали еще в бюджете 2015–2017 годов, в части 2016 года, но с некими корректировками на наши изменившиеся ресурсные возможности. Расходы как раз на человеческий капитал – это образование, здравоохранение – не снижаются, несмотря на все сложности с формированием доходной базы бюджетов.

В части здравоохранения у нас все больше и больше осуществляется переход на принципы страховой медицины. Поэтому государственная часть – содержание федеральных институтов, федеральных клиник – постепенно снижается, сокращается, а часть, которая финансируется за счет Фонда обязательного медицинского страхования, через страховые принципы, наоборот, увеличивается. Общий объем расходов на медицину в процентном отношении к ВВП не сокращается, а даже несколько увеличивается.

То же самое и с образованием. Если у нас уменьшается объем средств в следующем году, то только на заканчивающийся проект в части обеспечения дошкольного образования, в части поддержки субъектов Российской Федерации по созданию условий для дошкольного образования. По всем остальным позициям сокращений нет, наоборот, рост. Поэтому хотелось бы отметить, что, даже несмотря на сложности, с которыми мы сейчас столкнулись, ключевые направления вложений в чело-

веческий капитал в объемах финансирования сохранены. Однако повторяюсь, что здесь есть очень много резервов с точки зрения выделения средств именно по ключевым направлениям. Возьмем высшие учебные заведения, которые находятся в компетенции Федерации. Мы видим, что целесообразно, наоборот, сконцентрировать ресурсы, которые сегодня есть, на более узком, но высококачественном с точки зрения подготовки студентов образовании. Ни для кого не секрет, что у нас такое количество высших учебных заведений и такое количество бюджетных мест, что в нынешних условиях нужно по-другому уже смотреть на ту базу, которая сложилась.

В условиях ограниченности ресурсов, безусловно, нужно принимать как раз структурные и институциональные меры в этой части, потому что сохранять подход к таким расходам по старинке дальше просто не получится. Мы проживем 2016 год еще в нынешних условиях, в нынешней базе, но начиная с 2017-го, 2018-го надо подходить к структурным изменениям в этих отраслях с тем, чтобы сохранить качество услуг, которые оказывает государство по отрасли образования и здравоохранения, по отраслям, которые, по сути, стимулируют развитие человеческого капитала.

Ведущий: У нас еще есть время, так что я задам каждому участнику вопрос, может быть, это будет интересно. Какой бы вы назвали один вопрос или один институт, который нам нужно усиливать в стране?

А пока я хочу задать вопрос Армену Размиковичу по институтам, которые больше связаны с политикой. Государство должно быть под контролем общества. Как этого добиться? Происходит ли этот переход у нас, на нашем евразийском пространстве? Далеко ли еще мы до этого рубежа или уже сейчас в процессе? Вы нам нари-

совали картину пока обратного движения. Что нужно делать?

Дарбинян: Восстановление доверия – в первую очередь функция государства. Здесь общество может выстраивать свои приоритеты. Но мне кажется, что наши государства не признают этого приоритета. Очень жаль, что государство сегодня не признает приоритета усиления общества и общественных институтов. Я считаю, что чем дольше такая ситуация будет продолжаться, тем больше будем констатировать невозможность прогресса, потому что в настоящее время этот дисбаланс между усиливающимся государством и ослабевающим обществом, к сожалению, достаточно серьезный. Сегодня создание политических адекватных институтов для усиления социума является, с моей точки зрения, абсолютным приоритетом, оно сыграет ведущую роль в восстановлении института доверия. Но это процесс, который, к сожалению, сегодня должен вестись сверху, а не снизу.

Ведущий: Анатолий Борисович, какую еще важную проблему Вы хотели бы назвать, кроме инноваций, кроме Вашей непосредственной сферы?

Чубайс: Мне кажется, что ключ к решению наших наиболее глубинных экономических проблем сегодня находится за пределами экономики. Если мы говорим об основах – о защите частной собственности, о конкуренции, о независимом суде, – то это все уже не решается путем совершенствования Налогового кодекса или законом о Центральном банке.

Ведущий: Законом о полиции может решаться?

Чубайс: Законом о полиции тоже не решается. Мне кажется, что ключ к решению экономических проблем лежит в политике. И в этом смысле, если Вы хотите, чтобы я назвал один институт, который нужно радикально усилить, – может, это странно прозвучит, а может, нет – это Конституция Российской Федерации. У нас очень хорошая Конституция, если кому приходилось ее читать. Все написано так, что читаешь – просто душа радуется. А жизнь где? Я ответил на Ваш вопрос.

Ведущий: Эльвира Сахипзадовна теперь вопрос Вам...

Набиуллина: Мне тяжело назвать один институт, к сожалению. Если говорить об институтах рыночной экономики, то все-таки частная собственность и конкуренция неразрывны, поэтому представить частную монополию без конкуренции нельзя. При этом защита института частной собственности, мне кажется, иногда у нас упрощенно понимается как судебная защита и так далее. Но легитимность частной собственности – это не только ее правовая судебная защита, это легитимность в глазах общества частной собственности. В этом, как мне кажется, у нас не меньшая проблема, чем создание независимого суда, борьба с рейдерством и так далее.

Ведущий: Антон Германович...

Силуанов: Две позиции хотел бы, наверное, отметить. Недавно Герман Оскарович Греф нас собирал, приглашал ведущих специалистов в области системы управления, системы постановки целей и задач в государстве. Нам не хватает измененной системы управле-

ния, т.е. четкой формулировки целей и задач, четкого определения объемов ресурсов под эти цели и задачи, контроля со стороны общества за решением этих задач и достижением поставленных целей. Нам нужно думать о системе управления в государстве, о совершенствовании этой системы и реализовать лучший опыт.

И второе – более узкий срез: нам не хватает государственно-частного партнерства в качестве института, потому что мы не можем дальше реализовывать все задачи с помощью бюджета. Это касается не только инфраструктуры, но и функционирования социальных институтов, потому что государственно-частное партнерство вполне работает и может работать и в здравоохранении – как раз сейчас начинает активно работать, – и в образовании, и в других сферах, которые сегодня заняты исключительно бюджетным сектором. Мы не можем постоянно тянуть все это за счет государства. И развитие государственно-частного партнерства в широком смысле слова необходимо в ближайшие годы.

Ведущий: Спасибо. Максим Геннадьевич...

Решетников: С позиций города и с позиций горожан. Город постоянно взаимодействует и с бизнесом, и с горожанами. Для них такие понятия, как «частная собственность» и «конкуренция», зачастую являются абстрактными. У них есть конкретные проблемы: сделать перепланировку, ее зарегистрировать, сделать какие-то очень простые вещи. А мы не можем этого сделать, так как что-то где-то не состыковано в наших государственных системах. Институт, которого нам не хватает, – это эффективное администрирование.

Ведущий: Александр Евгеньевич...

Суринов: Если смотреть с точки зрения человека, то это восстановление доверия к государственным институтам прежде всего и, наверное, обратная связь. К нашему ведомству это относится как к никакому другому. У нас 1,5 миллиона респондентов в этом году – это огромная масса, плюс 2,5 миллиона респондентов еще будут в микропереписи населения, итого 4 миллиона.

А теперь представьте себе, вы приходите в семью и говорите: «Расскажите о своих доходах». – «А зачем?» – «Чтобы вам стало жить лучше». Реакция у многих людей будет адекватная...

Поэтому я считаю, что восстановление доверия очень важно. Чтобы люди поверили в государство, в национальный бизнес.

Ведущий: Армен Размикевич...

Дарбинян: Я назову социальный институт, острейший дефицит которого, с моей точки зрения, может привести нас к катастрофе. Этот социальный институт называется «гордый, самодостаточный налогоплательщик». Мы считаем, что доля теневой экономики у нас составляет 40–50% ВВП. Ярослав Кузьминов приводил сегодня данные по занятости в неформальном секторе – 50%. Вдумайтесь в эти цифры – это просто социальная катастрофа.

Поэтому «гордый, самодостаточный, лояльный к государству налогоплательщик» – вот институт, которого нам остро недостает.

Ведущий: Хочу сейчас к Игорю Ивановичу Шувалову обратиться. Какие институты, в Вашем понимании,

сейчас востребованы, но не удалось достроить, кроме института доверия?

Шувалов Игорь Иванович,
первый заместитель Председателя
Правительства Российской Федерации

*«Кто-то уже ездит на беспилотных такси,
а мы до сих пор обсуждаем, почему
у нас такие плохие дороги»*

В этом зале сегодня много говорили о восстановлении доверия. Какое восстановление? А что, у нас когда-нибудь существовало реальное доверие к государству? Как будто оно было, потом потерялось, сейчас вы пытаетесь его найти.

Доверие – вещь размытая. Что такое доверие? Что значит доверие?

Вот Алексей Кудрин, например, работал 11 лет министром финансов. При нем был создан институт стабильной бюджетной политики. Существует институт, он работает – и есть доверие к финансовым властям.

У нас есть Центральный банк Российской Федерации. Нравится правительству или не нравится – у него действительно статус независимого института. Я считаю, что это большое достижение. Банк работает так, как работают лучшие банки в мире, в странах, которые входят в ОЭСР. Не могут ни президент, ни председатель правительства, ни парламентское большинство ничего диктовать банку. Что можно сделать? Можно Эльвиру Сахипзадовну уволить, другого человека назначить, но у банка есть процедура, он работает по процедуре, поэтому фактор доверия к его деятельности существует.

Дальше. Мы много лет страдали от плохого налогового администрирования, у нас существовала чуть ли не тотальная коррупция. Можно было заказать перераспределение активов, включая рейдерство. Разве сейчас это возможно? Разве за последние годы не возникла совершенно другая степень доверия к нашему налоговому администрированию? Посмотрите, что сейчас происходит с возмещением НДС. Мы сколько лет страдали от того, что десятки миллиардов долларов терялись. Сейчас это возможно? Нет. Есть доверие? Есть.

Наверное, у нас нет такого доверия, как нам хотелось бы, к судебной системе, к защите права собственности, но возникают институты и реальное доверие.

Но, конечно, есть то, что нужно менять.

Если говорить о Конституции и о политических реформах, то я считаю, что сама жизнь, нынешняя ее динамика диктуют стандарты. При нынешней самоорганизации граждан, которую дает нам Интернет, никакие рестрикции СМИ и прочие ограничения, которые, может быть, кто-то хотел бы навязать, все равно не могут остановить влияния общества на высшую власть.

Я никогда не считал, что институты являются такой вещью, которая безусловно приведет нас к процветанию. Мы – русские, мы – люди со своей историей, мы не Восток и не Запад, мы имеем свой исторический багаж. Он не хороший и не плохой, но его нужно учитывать. Он и составляет наши достижения, и несет определенные ограничения.

Мне кажется, основная наша проблема не в политическом устройстве и не в исполнении норм Конституции или в необходимости как-то ее редактировать, не в недостатке институтов. Мне кажется, у нас резко расслоился уровень вопросов, которые мы ставим перед собой, отсутствует стратегическое видение. У нас ре-

шаются высокие политические вопросы – глобальное позиционирование страны на мировом пространстве, отстаивание своих интересов. А вот уровень вопросов, которые мы видим и ставим перед собой в экономической и социальной плоскостях, значительно ниже. Мы сами в этом виноваты. Мы не видим перспективы, мы погрязли в каких-то ежедневных вопросах и не видим, какими мы должны быть лет через 20. А отсутствие перспективы приводит к тому, что кто-то уже ездит на беспилотных такси, а мы до сих пор обсуждаем, почему у нас такие плохие дороги. И тут принятие закона о стратегическом планировании не поможет. Поскольку иметь закон не значит иметь стратегию.

Я считаю, что необходимо формирование такой критической массы, которая выдвинет запрос на другой стандарт поведения, поскольку желание жить по-другому огромное. Но желать жить по-другому и что-нибудь для этого сделать – вещи разные. Вы можете, конечно, оформить это множественностью институтов, а можете просто обозначить как необходимость трансформации общественного сознания.

И есть ли у нас уже сейчас базовые институты и базовый размер экономики для того, чтобы добиться этого значительного «шифта», быстрого изменения? Я уверен, что есть.

Ничто нам не мешает устраивать жизнь лучше. Хороший пример – Москва. Ведь Сергея Собянина никто не может упрекнуть в том, что он либерал. Я думаю, что никто, правда? Но, я считаю, он создает вокруг себя институты и такие организует маршруты, что Москва скоро превратится в город будущего. Москва станет городом, способным конкурировать с Нью-Йорком, Лондоном, со всеми городами, где создается самое новое.

Или пример Татарстана. Там смогли чуть-чуть заглянуть в завтрашний день, они формируют повестку на завтра, а не только решают сегодняшние проблемы. Мы – я имею в виду федеральный уровень – им никогда не мешали.

Но можно ли сделать так, чтобы на Чукотке, в Магадане, в Приморском крае люди думали одинаково? Я думаю, что это сложная задача, я не знаю, вообще, реализуема ли она. Потому что правила игры нестабильны, и, конечно, за это несет ответственность федеральное правительство. Приходится подстраиваться под жесткость ситуации. Каждый день нам предлагают правила, которые вносят непредсказуемость в наше поведение, они будут давать дурные сигналы.

Приходят, например, люди и говорят: у нас в транспортном машиностроении возникли серьезные проблемы, мы можем похоронить отрасль. А чтобы ее не похоронить, давайте сделаем первое, второе, третье... Я вам честно скажу: если это сделать, тогда надо будет похоронить потребителей и грузоотправителей.

Или, например, такая тема – импортозамещение. Но разве, когда президент выдвигал тему импортозамещения, пришло кому-нибудь в голову, что те, кто производит камвольные ткани, скажут: а вы теперь примите, пожалуйста, такой регламент, по которому все обязаны будут носить школьную форму, произведенную из отечественной ткани. Нет, до такого не дойдут ни президент, ни Федеральное Собрание. Но таких запросов в корзине у правительства каждый день не сосчитать.

Это всегда некий баланс. Но, несмотря на необходимость постоянного поиска баланса, мне кажется, нам в кризисных условиях удастся удержать стабильность правил. Сейчас, во время кризиса и спада, действительно, правительство и парламент не всегда удерживают

планку стабильного бизнес-климата и определенной предсказуемости. В такое время, когда спад, кризис, всегда просыпаются дурные энергии. Как люди на фоне кризиса бегут в игорные заведения, так есть и люди, которые могут в определенном состоянии все время генерировать нечто новое, как им кажется.

Пользуясь возможностью, хотел бы сказать несколько слов в адрес института. Я считаю, что вокруг Института Гайдара вращаются, наверное, самые яркие эксперты. Основная линия наших программных устремлений привнесена самыми умными, глубокими экспертами, связанными с Институтом Гайдара.

Я неоднократно встречался с Егором Тимуровичем, мы обсуждали и приоритетные национальные проекты, и вопросы инвестиций в человеческий капитал, и многое другое. Может быть, мы не всегда делали так, как хотел сам Егор Тимурович, может быть, некоторые вещи были непоследовательными, не так твердо мы их отстаивали. Мы все вместе должны хранить память о нем, а институт поблагодарить за хорошую работу. Я хочу пожелать институту, чтобы высокая планка, которую задал Егор Тимурович, ни в коем случае не понижалась. Ее надо, по крайней мере, удерживать, если есть возможность, даже усилить. Я желаю успехов в работе института.

Ведущий: Спасибо Вам, Игорь Иванович, спасибо всем участникам. Еще раз позвольте поздравить с юбилеем! Спасибо всем.

Содержание

Пленарная сессия «Долгое время: реформы и будущее России»	5
Ведущий – Мау Владимир Александрович	7
Аганбегян Абел Гезевич	8
Улюкаев Алексей Валентинович	15
Нечаев Андрей Алексеевич	22
Клепач Андрей Николаевич	26
Кузьминов Ярослав Иванович.....	34
Аузан Александр Александрович	41
Дубинин Сергей Константинович	50
Ясин Евгений Григорьевич.....	55
Пленарная сессия «Институциональные реформы: государство и эволюция»	59
Ведущий – Кудрин Алексей Леонидович	61
Набиуллина Эльвира Сахипзадовна	65
Чубайс Анатолий Борисович.....	70
Силуанов Антон Германович	75
Дарбинян Армен Размирович.....	79
Решетников Максим Геннадьевич	84
Суринов Александр Евгеньевич	87
Шувалов Игорь Иванович	104

Изучая настоящее, проектируем будущее

Материалы юбилейных Гайдаровский чтений,
посвященных 25-летию Института Гайдара

Редакторы: Н. Главацкая, К. Мезенцева, А. Шанская

Корректор: Н. Андрианова

Компьютерный дизайн: В. Юдичев

Подписано в печать 10.12.2015

Тираж 300 экз.

125009, г. Москва, Газетный переулок, д. 3–5, стр. 1.

Тел. (495) 629–4713

Fax (495) 691–3594

E-mail: info@iep.ru

www.iep.ru

ISBN 978-5-93255-442-5

9 785932 554425